

**«Между выживанием и выжиданием»:  
обзор состояния гражданского общества  
в регионах Беларуси в первой половине  
2023 года**

**Мониторинг (январь - июль 2023 года)**

**Татьяна Чулицкая**

**Наталья Рябова**

**2023**

*«Какая поддержка вам нужна?  
– Сложный вопрос. Вот хочется ответить – молиться. Знаете, чтобы все  
поменялось. Мне кажется, других механизмов [я] не знаю».*

*«А с другой стороны, и в концлагере надо, наверное, этим заниматься, чтобы  
человечность свою не потерять, чтобы какие-то горизонтальные связи были на  
всякий случай, которые в какой-то момент могут сработать».*

Из интервью

## ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ .....	3
1. ОБ ОРГАНИЗАЦИЯХ: СТАТУС, КОЛИЧЕСТВО СОТРУДНИКОВ, МЕСТО НАХОЖДЕНИЯ .....	6
2. ВРАЖДЕБНАЯ СРЕДА, РЕПРЕССИИ.....	7
3. ВОЗМОЖНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ДОСТИЖЕНИЯ МЕСТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ .....	11
4. ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА, ОРГАНИЗАЦИЙ И РАЗЛИЧНЫХ АСПЕКТОВ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. ПРОБЛЕМЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕСТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ИНИЦИАТИВ.....	19
5. СЕКТОРАЛЬНОЕ И МЕЖСЕКТОРАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ.....	39
ЗАКЛЮЧЕНИЕ .....	49

## ВВЕДЕНИЕ

Этот текст пишется во все ухудшающихся условиях деятельности для белорусского гражданского общества. Репрессии внутри Беларуси усиливаются: пополняются списки экстремистов и террористов, продолжаются аресты и преследования активистов на местах, люди вынуждены выезжать из страны и пр. Ситуация же для белорусских организаций и активистов<sup>1</sup> за рубежом в странах их новой дислокации также не всегда остается стабильной и часто несет в себе новые риски и угрозы. В частности, в Грузии по причине пророссийских ориентаций правительства, в Литве - в силу растущей тенденции секьюритизации, когда релоцированные белорусские организации и активисты начинают чувствовать все большую неуверенность и неопределенность относительно своего пребывания в этих странах.

В данном исследовании, которое продолжает мониторинг состояния белорусских организаций гражданского общества<sup>2</sup>, мы решили сфокусироваться прежде всего на организациях, которые существуют и в большинстве случаев продолжают действовать в Беларуси на местном уровне. Такой фокус исследования был выбран потому, что о таких организациях в последние годы практически не писали как об отдельном субъекте, только в составе гражданского общества в целом. В качестве исключения можно назвать несколько публикаций в сборнике «Беларуская грамадзянская супольнасць 2015-2020»<sup>3</sup>, где делался обзор ситуации с организациями гражданского общества (ОГО) именно в регионах Беларуси, а также частично затрагивалось влияние на него событий 2020 года и последовавшего политического кризиса.

Согласно вышеупомянутому обзору<sup>4</sup>, период 2015-2020 гг. был временем качественного роста и развития организаций гражданского общества во всех регионах Беларуси. Хотя и отмечалось, что развитие третьего сектора происходило скорее «вопреки» желанию властей либо при имитации ими межсекторального взаимодействия. При этом во всех регионах Беларуси отмечалось появление и популяризация новых инициатив, говорилось о развитии внутрисекторального и

---

<sup>1</sup> В рамках данного отчета существительные мужского рода во множественном числе (например, представители, лидеры и т.д.) следует понимать как включающие и мужчин, и женщин.

<sup>2</sup> Предыдущие исследования включают в себя [отчет](#) «Состояние и актуальные потребности белорусских организаций гражданского общества (ОГО) в ситуации политического кризиса» (2021), [мониторинг](#) «Состояние и актуальные потребности белорусских организаций гражданского общества (ОГО) в ситуации политического кризиса (Мониторинг: июль – декабрь 2021 года)», [мониторинг](#) «Состояние и актуальные потребности белорусских организаций гражданского общества (ОГО) в ситуации политического кризиса (Мониторинг: январь - июль 2022 года)» и [мониторинг](#) «Все новое - хорошо забытое старое? Обзор ситуации с инициативами белорусского гражданского общества, возникшими после 2020 года (Мониторинг: июль - декабрь 2022 года)».

<sup>3</sup> Раздел 1.2. «Рэгіянальныя АГС у 2015-2021 гадах: суб'екты, працэсы, асаблівасці развіцця» в сборнике «Беларуская грамадзянская супольнасць 2015-2020»

[https://cet.eurobelarus.info/files/65/58/Belaruskaya\\_hramadzianskaya\\_supolnasc\\_2015\\_2021.pdf](https://cet.eurobelarus.info/files/65/58/Belaruskaya_hramadzianskaya_supolnasc_2015_2021.pdf)

<sup>4</sup> Там же.

межсекторального сотрудничества. Массовая протестная мобилизация лета-осени 2020 года затронула все регионы, где появились новые горизонтальные инициативы, произошел бурный рост локальных сообществ и подъем гражданского активизма в целом. Однако и относительно позитивные тенденции развития организованного гражданского общества до событий 2020 года, и взрыв гражданского активизма после выборов столкнулись с небывалыми по своему охвату и объему репрессиями в отношении как организованного гражданского общества, так и отдельных активистов после подавления активной фазы протеста. Репрессии продолжаются и сегодня.

Цель данного исследования – сделать обзор ситуации и проанализировать состояние организаций гражданского общества Беларуси на местном уровне в период первой половины 2023 года с ретроспективой развития ситуации после начала политического кризиса (в последние три года). Для реализации данной цели мы ставили задачи рассмотреть несколько аспектов деятельности местных ОГО и инициатив, среди которых:

- общая характеристика организаций: их юридический статус, место нахождения (внутри или за пределами Беларуси, смешанный формат) как самих организаций, так и их активистов, направлений их деятельности;
- обзор репрессий и их влияния на гражданское общество;
- анализ возможных действий региональных ОГО внутри Беларуси в контексте репрессий;
- оценка состояния местных организаций и инициатив гражданского общества: общие характеристики сектора, особенности развития организаций, их доступа к целевым аудиториям, внутренних процессов и проблем, с которыми они сталкиваются;
- секторальное и межсекторальное взаимодействие;
- ситуация с донорской поддержкой и удовлетворенностью существующими программами, потребности организаций/инициатив;
- влияние войны в Украине на гражданское общество Беларуси на местном уровне.

Во всех этих темах мы старались выявить, существуют ли какие-то локальные особенности в деятельности организаций/инициатив. Кроме того, мы ставили следующие исследовательские вопросы:

- Привели ли репрессивные ограничения деятельности организаций и инициатив гражданского общества к нехватке услуг и/или различных активностей для населения в регионах Беларуси?

- Пытается ли государство компенсировать образовавшийся вакуум при помощи собственной деятельности, активностей ГОНГО либо кооптации деятельности некоторых ОГО?

В рамках исследования в период с июля по август 2023 года было проведено 17 полуструктурированных качественных интервью с представителями различных местных организаций и инициатив, а также экспертами из различных областей. Среди 17 интервьюируемых 13 находились за пределами Беларуси, 4 в Беларуси. Все «зарубежные» эксперты работают с местными белорусскими ОГО, при этом некоторые из них уехали из Беларуси совсем недавно. Выборка строилась по принципу доступности контактов и при помощи метода «снежного кома». Нам удалось поговорить с представителями организаций из всех регионов Беларуси: с 2-мя из Минска, 2-мя из Минской области, 2-мя из Брестской, 2-мя из Витебской, 2-мя из Гродненской, 3-мя из Гомельской и 4-мя из Могилевской областей. Респонденты проживают как в областных центрах, так и в меньших по размеру городах.

Учитывая чрезвычайную чувствительность темы, мы предприняли все усилия для анонимизации наших информантов, а также их мест нахождения. Однако несколько человек, находящихся в Беларуси, отказались от интервью, опасаясь за свою безопасность. Кроме того, в исследовании не представлены результаты, которые, по мнению авторов, могут привести к дополнительным репрессивным действиям внутри Беларуси.

## 1. ОБ ОРГАНИЗАЦИЯХ: СТАТУС, КОЛИЧЕСТВО СОТРУДНИКОВ, МЕСТО НАХОЖДЕНИЯ

Организации и инициативы, которые оказались в центре данного исследования, имеют различный юридический статус. Некоторые из них до сих пор зарегистрированы в Беларуси, некоторые находятся в процессе ликвидации, некоторые ликвидированы. Если говорить о двух последних категориях, то их представители продолжают действовать в качестве сетей, горизонтальных структур или инициатив. Лидеры, руководители и часть активистов местных организаций находятся за пределами Беларуси, однако у всех организаций, с которыми мы говорили, есть сотрудники либо активисты внутри Беларуси. По количественному составу организации, инициативы насчитывают от 4 до 30 человек, а заявляемый охват целевых аудиторий в их деятельности колеблется от нескольких десятков до нескольких тысяч человек. Все ОГО/инициативы осуществляют различного рода деятельность внутри Беларуси, хотя в некоторых случаях она имеет скорее индивидуальный (экспертный, тренерский) характер. Кроме того, в нашу выборку попал активист, который из-за границы сотрудничает с местными горизонтальными инициативами, возникшими на пике протестной мобилизации 2020 года в одном из городов Беларуси.

Часть из местных организаций, с которыми мы говорили, имеют регистрацию за границей, однако некоторые еще только планируют заняться получением легального статуса. Как правило, факт регистрации за границей напрямую связан с тем, насколько давно выехал руководитель организации. В случае, если руководители организации находятся в Беларуси, регистрации за границей может не быть вообще. Срок отъезда из Беларуси у наших собеседников сильно варьировался: некоторые уехали давно, а некоторые на момент разговора выехали из страны менее двух месяцев назад.

Кроме того, в ходе интервью звучали мнения о том, что местные власти (в случае, если они не репрессиируют организации/инициативы) «*настоятельно рекомендуют*» работающим в них людям называть себя «*волонтерами*», поскольку такой статус в их глазах вроде бы выглядит «менее подозрительным».

*«Когда людей вызывают на беседы, им говорят, в частности: не упоминайте слова «активизм», «активист», «урбанизм». Используйте «волонтер». Вот они теперь экологические волонтеры или социальные».*

По тематическим направлениям попавшие в выборку организации и инициативы охватывают достаточно широкий спектр и занимаются тематикой городского развития, локальным адвокатированием, гендерными проблемами, правами человека, правами ЛГБТК+, неформальным образованием, медийными активностями, творческим развитием, социальными проблемами и пр.

## 2. ВРАЖДЕБНАЯ СРЕДА, РЕПРЕССИИ

К сожалению, в 2023 году репрессии являются неизбежным контекстом деятельности белорусских ОГО/инициатив и людей, которые вовлечены в их деятельность на национальном и местном уровнях. Так, репрессии в той или иной мере затронули всех попавших в нашу выборку и их организации. К большинству из них приходили с обысками в организацию или домой (или в оба места). Многие прошли через административные суды и аресты, фигурируют в материалах уголовных дел и вынуждены были покинуть страну. Для тех, кто находится в Беларуси, репрессии являются основным фактором, определяющим их ежедневную жизнь, а также деятельность, желание и возможность участвовать в реализации активностей.

В целом проблема безопасности и репрессий является первоочередной и схожей для всех организаций, действующих на местном уровне в любом городе страны, без выделения каких-либо особых региональных различий. Оценивая уровень репрессий, наши собеседники, как правило, говорили о том, что не наблюдают особой разницы в характере притеснений и видах репрессий в зависимости от региона. Хотя вместе с тем звучали мнения о том, что город Минск и западные регионы (в частности, Брестская и Гродненская области) столкнулись с более высоким уровнем репрессий, чем другие. Это объяснялось тем, что в этих областях в связи с высоким уровнем протестной мобилизации происходила фактическая «зачистка» как мобилизовавшихся граждан, так и организованного гражданского общества. В Гродненской области это сопровождалось заменой местных руководителей органов власти на «внешних».

На основании общих наблюдений и высказанных в ходе интервью мнений можно сделать вывод, что степень репрессий против гражданского общества напрямую взаимосвязана как с общим уровнем протестной мобилизации, репрессий и жесткости подавления протестов, так и с развитостью и разнообразием организаций и инициатив гражданского общества. Там, где уровень протестной мобилизации был выше, фиксируется и более высокий уровень репрессий против гражданского общества.

*«Но тут еще все зависит от того, насколько были развиты разные НКО региональные до момента коллапса правового. В [городе 1] всё было, например, чуть лучше, чем в [городе 2], потому что любые активности, которые там раньше проводились, за исключением одного-двух примеров, они просто прекращены, поскольку в [городе 1] их было меньше и соответственно их проще было «схлопнуть». Это не говорит о том, что конкретно в отношении НГО это все было жестче. Просто в [городе 1] это было проще все как-то прикрыть. Условно говоря, есть [одна известная организация]. Ты один раз вызываешь людей, которые к ней имеют отношение, на разговор в КГБ – и, по сути, 50% общественной жизни в [городе 1] просто останавливается...».*

Интервьюируемые грустно-иронично говорили о том, что в одной из восточных областей репрессивные органы «не дорабатывают», поскольку закрыты не все организации гражданского общества и уровень давления на них несколько ниже, чем в других регионах. При этом указывалось, что уровень активизма и количество организаций и инициатив в этой области всегда был ниже, чем в других местах.

Отмечался и тот факт, что в некоторых случаях отдельные города сталкивались с уровнем репрессий выше среднего по области или даже стране. Как правило, это объяснялось инициативой на местах, когда местные силовики или чиновники в силу каких-либо причин инициировали и проводили репрессии гражданского общества и активистов в максимально жесткой форме.

*«...Мы думали, что это может быть связано с тем, что местные власти сами решают, какой-то такой откуп дали. И мы исходили из этой логики, что типа местные власти тут решают кого репрессировать, кого не репрессировать, и [они] решили, что вроде как незачем ссориться с местными людьми, будем жить, как жили...».*

*«Ёсць у нас такі гарадок невялікі [назва гораду]. Вось там, калі параўноўваць з нейкім іншым, то там вось невядома, нехта кіруе, лютуе...».*

Вместе с тем отмечалось, что силовики, проживающие в том же городе, где действуют организации, как правило, не демонстрировали излишней жестокости. Наиболее серьезные репрессии и нарушения прав человека осуществлялись «приезжими» силовиками, которых привозили из других городов или регионов.

*«Еще раньше, когда я разговаривал с начальником милиции, тогда в 2020 году, они говорят: «...Мы вас уважаем». Стараются нас так особо не дергать. Ну, это наши. А ко мне приезжали именно из [название областного центра], они там не церемонились. Хотя я увидел, что они меня берут, и сказал: «Я не сопротивляюсь». Но им все равно нужна была картинка: [руки] заломили, наручники [надели]...».*

При этом распространено мнение, что в целом на местном уровне (особенно в относительно небольших населенных пунктах) силовики и чиновники, а также непосредственно те, кто проводил обыски, арестовывал и допрашивал активистов, как правило, старались делать это не с самой высокой степенью жесткости и жестокости. Данное обстоятельство объяснялось тем, что проживающие в одних и тех же городах (особенно небольших) люди лучше знают друг друга и социальная дистанция между ними меньше, в результате чего они, либо опасаясь за свою безопасность и безопасность своих семей, либо в силу других субъективных факторов, старались действовать в модальности меньшего насилия.



В качестве особенностей репрессий против гражданского общества на местном уровне указывалось, что активистов могут не сажать, но создавать ситуацию постоянного давления, когда их регулярно проверяют, вызывают на допросы и беседы.

*«Часто так выходит, что именно не сажают, а таскают по беседам бесконечно. Получается, что всех не по одному разу протаскали, теперь они не доверяют друг другу, не знают, кто теперь стучит на кого. С самого начала больше делились: вот, меня вызывали, спрашивали про тебя и т. п. Теперь просто ходят по одному и никому особо не рассказывают».*

Дополнительным эффектом такой стратегии поведения силовиков и местных властей является то, что люди на местах меньше доверяют друг другу, не делятся информацией о происходящем, а также выбирают стратегию не действовать, прятаться, уходить в подполье. Также упоминалась, что местные активисты могут готовиться к эмиграции (изучать иностранные языки, программирование и получать другие навыки, которые могут быть потенциально полезными в других странах).

*«Люди вообще «в домике» многие. У них своя жизнь, и они ничем не интересуются... Вижу также, что кто-то очень тихо готовится к эмиграции: учит язык онлайн (на курсы не ходит, чтобы не было видно, тем более на курсы и школы польского был наезд же), учит в IT что-то, языки программирования. В общем, планирует перебраться тихо».*

В качестве важной особенности репрессий можно отметить и то, что поскольку они далеко не всегда имеют какую-то рациональность и логику, часть организаций по-прежнему не ликвидированы и формально имеют возможность действовать. С одной стороны, это создает ситуацию окна возможностей. С другой – в качестве негативного эффекта приводит к тому, что повышается уровень недоверия организаций друг к другу, когда им самим неясно, почему кого-то ликвидировали, а кого-то нет, кому-то позволяют что-то делать, а другим нет.

*«К нашей организации тоже вопрос, почему все организации ликвидируют и закрывают, а ваша не закрыта».*

Те интервьюируемые, кто находится в Беларуси, высказывали предположение о том, что, хотя репрессии безусловно затронули и продолжают влиять на деятельность всех организаций/инициатив в стране, Минск как столица и самый большой город все равно остается несколько менее опасным местом для деятельности просто в силу своих размеров и все еще сохраняющегося разнообразия.

*«...Как будто в Минске больше происходит каких-то мероприятий, активностей, и они как будто открыты больше, потому что публикуются в*

*каналах на 2000 человек, на 3000 человек. То есть мы себе в [название города] такого уже не можем позволить, потому что мы понимаем, что если мы опубликуем наш анонс в каком-то таком канале, то риски просто увеличиваются многократно, и это точно заметят, потому что это [название города]. А в Минске как будто по ощущениям есть такая возможность организациям, инициативам даже без регистрации проводить какие-то такие офлайн-активности».*

После того как власти в основном «зачистили» и ликвидировали организации в регионах, давление и репрессии спустились с организационного на индивидуальный уровень. Силовики и представители местной власти осуществляют давление на отдельных активистов.

*«То есть, условно говоря, если системно, открыто (в первую очередь системно) раньше можно было вести свою деятельность, то после лета 2021-го уже нельзя. А после февраля 2022-го даже уже отдельно стоящий активист региональный. А поскольку они всегда были, по сути, на карандаше у силовиков, им также ограничили деятельность. ...Даже жалобы и заявления люди боятся подавать. И люди боятся не безосновательно...».*

Кроме лишения свободы и вынужденного отъезда за границу, последствиями репрессий являются увольнения с других мест работы и, по сути, запрет на профессию, когда «засветившиеся» в третьем секторе люди не могут трудоустроиться. Давление на тех, кто задействован в местных организациях, может осуществляться разными органами и структурами. Например, часто оно может быть не только от силовиков, но и от других органов в сферах, где работают организации и инициативы. Например, от органов социальной защиты (в случае, если организация работает в этой сфере).

*«Они [управление соцзащиты] неоднократно проверяли, давали запрос, чтобы я приносила им документы, проверяли тетрадки. Они устанавливают свои графики, правила записи в этих тетрадках. Ну вот такая вот бумажная деятельность, в которой они придирались к каждому слову, к каждому действию, к каждому документу, который мы создаем».*

Основным негативным последствием репрессий стало изменение самой структуры сферы гражданского активизма как на местном уровне, так и в стране в целом. Репрессии являются определяющим фактором в деятельности ОГО в Беларуси. Хотя особой региональной специфики репрессий мы не обнаружили, тем не менее, можно говорить о том, что в областях и городах с более развитым и разнообразным третьим сектором, с более высокой протестной мобилизацией в 2020 году, а также в случае собственной инициативности местных силовиков и/или чиновников репрессии имеют более масштабный характер.

### 3. ВОЗМОЖНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ДОСТИЖЕНИЯ МЕСТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

На фоне репрессий региональные белорусские организации и инициативы, тем не менее, продолжают осуществлять разную деятельность внутри и за пределами страны. В рамках исследования мы узнавали о том, что можно и что нельзя делать в существующих условиях, а также какие достижения (свои или коллег по сектору) интервьюируемые хотели бы назвать.

К сожалению, при обсуждении этой темы в первую очередь звучали утверждения об ограничениях, а не возможностях деятельности, о запретах и рисках, которые трудно рационализировать. Упоминалось отсутствие или постоянные изменения «правил игры» - правил для деятельности организаций и инициатив на местах.

*«Чуть только что-то более масштабное, более заметное - сразу вызывают и объясняют, что это нельзя... Причем писаных, понятных правил нет. Это всегда вопрос открытый: вызовут, запретят или нет».*

Угроза задержания, ареста и физических репрессий является постоянной, и часто организации просто отменяют мероприятия в Беларуси, как только получают какой-то сигнал или у них появляются основания подозревать, что об их мероприятии известно силовым структурам.

*«Мы каждый раз отслеживаем риски. Часты ситуации, когда мы получаем угрозы и переносим мероприятие. Или кому-то [поступает] очередной звонок из органов, и мы на всякий случай не планируем ничего или какие-то другие оцениваем риски, и мы это ставим на стоп».*

Отмечалось, что по мере усугубления репрессий в регионах просто исчезли некоторые виды активностей, не стало событий в сферах, которыми традиционно занимались локальные активисты и организации. Например, в сфере культуры.

*«Вообще не стало никаких культурных мероприятий. В городской галерее что-то висит, конечно, но раньше были какие-то выставки маленькие, музыкальные фестивальчики. Сейчас этого ничего нет».*

Указывалось на распространение практики самоцензурирования, когда, действуя физически внутри Беларуси, люди в регионах при проведении офлайн-мероприятий стараются соблюдать самый высокий уровень предосторожностей (но о самоограничениях говорилось и в рамках онлайн-деятельности). Помимо цели снизить возможность преследований такой модус действий используется и для того, чтобы создать для участников мероприятий благоприятные условия и по возможности уменьшить и смягчить атмосферу страха.

*«Не онлайн [офлайн] мероприятия можно делать. Есть, конечно, все равно проблемы, потому что есть опасность и страх. ...Но все равно с ним нужно считаться, поэтому сейчас в онлайн и то мы стараемся собираться маленькими группами, ...чтобы, самое главное, избавить их [людей] от страха, чтобы они могли хоть каким-то способом выразиться».*

Отмечалось, что внутри Беларуси организации стараются не проводить массовых мероприятий, ограничиваются узким кругом людей, которых можно верифицировать.

Говоря о том, что получается делать в регионах на основании имеющегося у них опыта, активисты называли следующие направления и виды деятельности:

1. Инициирование и реализация разнообразных местных, локальных инициатив по благоустройству территорий, решению различных коммунальных и экологических проблем, реагированию на запросы граждан по улучшению городской среды.

*«Если люди сходили пляж почистить и им за это ничего не было - считай, успех. Можно делать какие-то очень локальные инициативы: убрать пляж, отремонтировать детскую площадку у себя во дворе».*

2. Мониторинг ситуации в городах, отслеживание проблемных моментов в коммунальной сфере, в градостроительстве и обустройстве территорий, а также информирование об этом местных властей с целью исправить ситуацию. Возможно осуществлять сбор подписей для продвижения какой-то проблемы в повестку дня местных органов власти. Также представители действующих на местном уровне организаций оказывают помощь гражданам как в этом процессе, так и в составлении обращений, жалоб для решения этих вопросов. Кроме того, в регионах можно оказывать помощь и поддержку социально активным людям. При этом те представители общественных организаций/инициатив, которые занимаются такой помощью, поддержкой и консультированием, могут находиться за границей.

*«... Но есть люди, которые просто с нами были активно на связи, сами по себе активно проявляют себя на местности, волнуются о местной жизни, о проблемах. То есть тоже как бы общественные активисты, можно сказать, но без концепции какой-то. Они просто активные жители местные, такие есть. Они с нами на связи, и мы с ними продолжаем определенной степени деятельность...».*

3. Мониторинг деятельности госорганов, в частности судов, помощь политическим заключенным в виде писем, подготовки и осуществления передач, а также некоторые другие виды правозащитной деятельности.

*«... Очное наблюдение в судах совершенно точно можно приписать к достижениям, посещение различных провластных, скажем так, мероприятий, о которых не так много информации на самом деле в СМИ... Плюс ко всему это помощь непосредственно родственникам политзаключенных, техническая, буквально там передача кое-каких медикаментов, подготовка и передача передач в СИЗО».*

*«Перш за ўсё гэта сітуацыя з падтрымкай палітвязняў і іх сем'яў: гэта і фінансавая дапамога, гэта розная дапамога псіхалагічная, гэта дапамога, назавём яе ўмоўна, святочная, пад Каляды, Новы год, 8 сакавіка. Гэта людзі ў гэтым горадзе, у прынцыпе, як могуць дапамагаюць сем'ям палітвязняў, скідваюцца на падарункі. Вельмі моцна тут дапамагае ў тым ліку і дыяспара, якая вымушана была з гэтага горада з'ехаць».*

При этом подчеркивается, что такая правозащитная деятельность, с одной стороны, важна *ad hoc*. С другой стороны, она выполняет функцию социализации и объединения людей со схожими ценностными установками, демонстрации, что они не одиноки в своих идеях и убеждениях, что у них есть единомышленники.

*«Мы также пытаемся проводить какие-то непубличные мероприятия, например, с подписанием открыток политзаключенным, но даже не то чтобы с целью поддержки. Это понятно, что там далеко не все письма доходят. Но как бы для того, чтобы люди сами пообщались, увидели, что они не одни, что они по-прежнему команда, что все-таки какая-то жизнь есть, в качестве такого обнадеживающего фактора».*

4. Организация творческих пространств, кружков и активностей для социализации и общения. Проведение групповых занятий по разнообразной творческой деятельности в разных формах. В данном случае творческие активности становятся основой для объединения людей и создания для них комфортных и относительно безопасных условий для неформального общения, обсуждения волнующих тем и вопросов.

*«Что еще можно? Вот собираться. У нас кто посмелее, собираются там. Ну я не знаю, даже можно прийти в... мастерскую, посидеть... Вот как мы тут, значит, соберемся вчетвером или впятером поделиться новостями, не только новостями. Это можно обсуждать все, что хочешь, какую-то тему взять. Главное, чтобы фасилитаторка была, а они не все уехали, поэтому мы такое используем, но до 7 человек. ...Поэтому можно, небольшими группами можно собираться».*

Также можно делать кинопоказы, играть в настольные игры, делать мини-фестивали и осуществлять сходную деятельность.

Важно отметить, что при этом физически сохранились, а в некоторых случаях появились и новые площадки, где в разных городах с соблюдением строгих мер безопасности у местных организаций и инициатив получается проводить различные мероприятия (семинары, встречи и пр.).

*«Оказывается, в [название города] вот тот же [название площадки] на [указание улицы] был. Он работает, там люди собираются, вот мы там проводили семинар. Нас приехало из регионов 15 человек. Там, конечно, со всякими мерами безопасности: мы там им не сообщали до последнего, куда идти, на какой этаж, в какое помещение. Но все равно такие места есть, и люди туда приходят».*

В этой же группе можно назвать такие активности, как действия в рамках групп людей, объединенных на основании общих интересов, хобби и способов препровождения свободного времени. Подобные группы продолжают свои активности как минимум в нескольких городах в разных областях Беларуси. Эти группы имеют определенную структуру, а также площадки для регулярного общения в социальных сетях. Интересно, что в некоторых случаях такие инициативы образовались уже после 2020 года.

*«Еще, кстати, у нас есть очень активная группа [названа группа по виду активности]. ...Они ездят по разным [местам], ...выбирают какие-то точки исторические и причем такие, и советские конечно, но и не советские какие-то такие, знаешь, с беларусскими датам связанные и типа вот. ...У них группа своя..., где они объединены, а это уже тоже формализация определенная. Вот у них реально такая общественная инициатива».*

5. Рекрутирование новых людей на основе разделяемых ценностей. Часто такое рекрутирование имеет место после проведения каких-то образовательных мероприятий, программ и других активностей. При этом проявляющие интерес к гражданской деятельности люди часто не знают и не понимают, какие активисты стоят за теми или иными активностями и мероприятиями.

*«Достижение – то, что мы вовлекли буквально в эту программу, которую я сейчас упомянула, новых людей, ...которые, в принципе, вообще не знают, что такое общественная деятельность, общественные организации, тем более организации гражданского общества. Но у них есть определенные ценности, которые они разделяют, мы разделяем с ними, и мы их приглашаем».*

6. Поддержка социально уязвимых групп и отдельных людей, оказание им гуманитарной помощи. Проведение консультаций для различных целевых групп. Например, социально уязвимым группам, а также людям, которые оказались в эмиграции из-за политических репрессий и войны.

Важно отметить, что в Беларуси сохранились некоторые организации с командами и легальным статусом в сфере помощи социально уязвимым слоям населения. Они продолжают свою деятельность в областных центрах и других городах, где проводят различные мероприятия для своих целевых групп. Хотя, рассуждая о них в положительном ключе, наши интервьюируемые тем не менее говорили, что для них самих является вопросом, насколько эти организации можно считать не кооптированными государством (не ГОНГО).

7. Проведение просветительской работы, научно-популярных мероприятий, образовательных программ, курсов и мероприятий на политически нейтральные темы, а также исследовательской работы.

*«Мы можем делать образовательные ивенты на нейтральные темы, которые не относятся к политике, гражданскому активизму прямо к такому ярко выраженному, каким-то таким острым темам. Что-то нейтральное».*

Также упоминалась образовательная деятельность для детей.

8. Поддерживающие активности для коллег по организации и третьему сектору в целом. Например, консультации по вопросам безопасности, выезда за границу (в случае необходимости), адаптации на новом месте (в случае релокации), поиск возможностей оказания психологической помощи.
9. Медийная деятельность. Создание блогов и иных медийных проектов как на уровне областных центров из-за границы, так и микроблогов внутри Беларуси.

В нескольких интервью говорилось о сохранении на местном уровне горизонтальных низовых инициатив или групп, которые возникли в 2020 году и по-прежнему продвигают протестную повестку. Упомянулось о том, что такие группы редко, но тем не менее осуществляют протестные акции. Например, фотографируются с национальным флагом и выкладывают фото в соцсети, проводят похожие мероприятия, помогают и символически поддерживают политических заключенных, занимаются контрпропагандой и некоторыми другими активностями. Деятельность этих инициатив имеет скорее скрытый, непубличный характер.

Важным аспектом, который затрагивался в ряде интервью, был запрос людей в регионах на общественную деятельность. По мнению наших собеседников, люди внутри страны готовы и хотят собираться, общаться и проводить какие-то мероприятия, которые были бы потенциально не опасными для их личной физической безопасности. Такое явление гражданской заинтересованности, готовности к действиям не относится непосредственно к тому, что делают общественные организации и инициативы, однако оно представляется важным для понимания того, что в Беларуси и среди белорусов сохраняется запрос на объединение, совместную деятельность и солидарность.

*«Они просто говорили, что в регионах нечего делать, это очень скучно опять и не с кем общаться и работать. Вот если особенно онлайн, то как будто нечем заниматься, не хватает умных людей».*

Вместе с тем отмечалось, что, осуществляя любую деятельность внутри Беларуси, представители организаций потенциально ждут задержаний и других видов репрессий. А также не могут нормально распространять информацию о своей деятельности, анонсировать и продвигать проводимые мероприятия.

*«Это все сопряжено с риском, любая деятельность. ...Знаете, прицепиться можно ко всему, даже если мы просто собрались, например, порисовать. Все равно можно прицепиться и сказать, что мы тут неизвестно чем занимаемся, вы же понимаете...».*

*«...Ведь раньше мы делали какое-то мероприятие, мы в интернете это все выставляли, говорили, приглашали. Это было все прозрачно. То теперь даже о том, что «девочки, давайте придем порисуем» или «девочки, давайте вот у нас сегодня такая [вид активности]», даже это мы не можем делать... То есть мы не можем вообще открыто делать ничего».*

## Достижения

В качестве главного достижения представители гражданского общества из организаций, действующих на местном уровне, часто называли то, что их организации/инициативы в принципе сохранились и не исчезли. А также то, что они могут продолжить работу, проводить мероприятия на местах, в Беларуси, и периодически встречаться друг с другом в условиях, когда члены команды могут находиться в разных странах.

*«На данном этапе для нас важно то, что мы продолжаем работу, то, что мы все равно проводим ивенты, и то, что мы так или иначе собираем людей и делаем что-то совместно, что делаем что-то в своем регионе. То есть то, что мы живы, и то, что мы делаем хоть что-то, – для нас уже отличный результат на данном этапе...».*

*«А так успех, не знаю... Мы иногда шутим, что у нас успех, что наша команда еще команда, ...что не вышли в окно...».*

При этом подчеркивалась особая гордость за деятельность в условиях максимального давления со стороны государства, усталости и ситуации выгорания у многих активистов и активисток.



*«И мы гордимся тем, что мы не останавливаемся, потому что я уже немного поняла тактику государства, которое отбивает желание у человека добиваться справедливости, законности, порядочности. И люди так и делают: они приходят, видят безнадежное дело, опускают руки и уходят...».*

Сохранение команды и продолжение активностей – это не только достижение, успех сами по себе, но также и сохранение возможностей для обеспечения потребностей целевых групп организаций, проведения проектов и мероприятий для людей внутри страны. Предоставление людям эксклюзивных услуг, которые не будут оказываться совсем, если эти организации не будут этим заниматься.

Интервьюируемые оценивают как достижение проведение каких бы то ни было групповых активностей, мероприятий внутри страны, поскольку таким образом создается пространство для общения, обсуждения волнующих их самих и их целевые аудитории проблем и вопросов. Других возможностей для объединения и общения, по оценкам наших собеседников, у них практически нет.

*«То есть вот достижения всех ребят других, которые что-то еще делают в [название города] либо в Беларуси, – это то, что они что-то делают. Даже если нейтральное и травоядное, то это супер. И собирают людей, и людям дают возможность побыть в безопасной обстановке, поговорить о чем-то, что их волнует».*

*«Это около 12 офлайн-мероприятий на разные темы, как я уже говорила. Они все небольшие, но это офлайн. Не знаю, мне кажется, это очень важно».*

Хотя при этом, к сожалению, частыми являются ситуации, когда после проведения мероприятий в Беларуси команда может получить угрозы или подвергаться давлению со стороны властей, а также для них могут возрасти риски в сфере безопасности.

В качестве достижения назывались и успешно завершённые проекты облагораживания территории или решения иных локальных проблем. В более широком смысле слова в качестве достижения можно говорить о том, что люди в регионах по-прежнему вовлекаются в местную повестку, ее обсуждение, мониторят ситуацию и ищут способы решения проблемных моментов.

*«Они, снимая какие-то проблемы, мониторя, решили они или нет, они таким образом влияли и видели сами, что влияли, потому что нам и отзывы потом от людей приходили: «Ого, это работало. Ага, это помогло».*

*«Мы дапамаглі (мы зараз гэта проста не агучваем) вырашыць, калі ўзяць за 2022 год і 2023-ы каля 15 мясцовых праблем. Яны невялікія, не рэгіянальныя, лакальныя. Каля 15 лакальных праблем з нашым удзелам непасрэдным ці апасрэдным былі вырашаны на карысць гэтых людзей і ахоплівалі, я лічыў, колькасць людзей, гэта каля, напэўна, 100 тысяч, якія могуць скарыстацца гэтымі паслугамі».*

Важно, что решение городских проблем понимается самими региональными организациями как внедрение практик инклюзивности, включенности местных жителей в решение значимых для них проблем. При этом оценивая практики местного активизма по решению бытовых проблем, наши интервьюируемые выказывали удивление и своего рода восхищение людьми, которые не боятся так активно действовать в репрессивных условиях в Беларуси.

*«Но они тоже это все делают, решают местные проблемы. У них там вообще люди довольно откровенные в комментариях – делятся ситуацией, своим мнением, то есть это в принципе, видишь, в некоторых регионах работает».*

*«...Но при этом, видишь, как бы люди не загоняются. Я не знаю, как это вообще, я удивляюсь всем этим людям. То есть я б на их месте сидел и не рыпался, потому что я ж читаю независимые сайты, а они, наверное, не читают...».*

В качестве достижений назывался и приход в организации новых людей после участия в мероприятиях. Также в некоторых случаях говорили о приходе большего количества людей на образовательные мероприятия и программы региональных организаций, что рассматривается как безусловный успех. Сюда же можно отнести тот факт, что у некоторых региональных активистов получается расширять социальные сети, увеличивать количество подписчиков.

Еще одним достижением можно назвать сохранение низового активизма в случае сетевых горизонтальных инициатив, возникших в 2020 году, и продолжение их деятельности (хоть и в ограниченном объеме). Однако про такие инициативы говорилось только в некоторых наших интервью.

Обобщая, можно говорить о том, что некоторым организациям, которые действуют в Беларуси на местном уровне, на фоне постоянно идущих репрессий удается сохранять и продолжать реализовывать различные направления и виды деятельности, а также демонстрировать определенные достижения. В эту деятельность на местах вовлекается на так много людей, и она преимущественно имеет характер решения коммунальных проблем, совместного времяпрепровождения, сохранения и поддержки самих организаций и работающих в них людей.

#### 4. ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА, ОРГАНИЗАЦИЙ И РАЗЛИЧНЫХ АСПЕКТОВ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. ПРОБЛЕМЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕСТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ИНИЦИАТИВ

##### Состояние гражданского общества: кризис? выживание? выживание?

Как и в предыдущих мониторингах, мы просили наших интервьюируемых оценить и охарактеризовать состояние белорусского гражданского общества в целом, а также состояние их собственных организаций и инициатив. В ответах на этот вопрос мы получили очень разные по своему содержанию и эмоциональному наполнению оценки – от крайнего пессимизма до условного оптимизма.

В части более негативных и эмоционально грустных оценок люди говорили о том, что их организации уже не пережили кризис и фактически прекратили свое существование. В настоящее время речь для них идет скорее о физическом самосохранении себя как людей, которые продолжают или в будущем смогут продолжить какую-то общественно-полезную деятельность. При этом интервьюируемые, которые считают, что их организации не пережили кризис, могут продолжать активности на индивидуальном уровне: как эксперты, тренеры, преподаватели и пр. Люди, которые были аффилированы с такими «невыжившими организациями» и выехали за границу, могут продолжать свою деятельность в других релоцированных белорусских ОГО. Однако если раньше (до 2020 года) были случаи, когда в общественных организациях работали люди из госсектора (прежде всего сферы образования, здравоохранения, соцзащиты), сейчас в большинстве своем они решили отказаться от такого сотрудничества по соображениям безопасности.

*«Я бы даже сказала, что не выживание. Мы не про выживание как организация, мы про выживание персональное. Что мы хотим, если у нас не будет организации, не будет связей. То единственное, что у нас останется, – это наша собственная инициатива, и на этом может что-то держаться».*

*«В состоянии выживания мы уже не находимся, мы уже не выжили... А с другой стороны, выживание самих членов организации в качестве физических лиц – это большой вопрос, потому что мы сейчас находимся многие в разных странах. И для выживания физически кто-то переориентировался на другие сферы работы, чтобы выживать и зарабатывать деньги, кто-то остался в нашей сфере, но работают либо на другие организации, либо думают, каким образом, имея наш опыт, [его использовать], кто-то в исследовательские вещи ушел. Ну да, скорее всего, это почти у всех. Наверное, это переориентировка нашего опыта в другие сферы...».*

Отмечались попытки если не перебороть, то опять же сохранить себя в ситуации и состоянии постоянного страха.

*«Я думаю, да, [мы] в полной мере [находимся в состоянии] выживания, подпольного существования, кризиса. Что-то такое мы ощущаем, в том числе страх».*

Важным аспектом такого самосохранения является развитие собственного индивидуального потенциала, но также по возможности сохранение или даже наращивание социальных связей, привлечения к своей деятельности новых единомышленников.

*«У нас нету средств для того, чтобы чем-то заниматься. То есть живём мы только тем, ...чтобы быть вместе, и по возможности расширяем [круг] наших единомышленниц, ...пытаемся что-то делать...».*

В середине эмоционального спектра ответов были утверждения, что и гражданское общество, и работающие в ОГО люди по-прежнему находятся в состоянии выживания. В данном случае активисты продолжают свою деятельность, но много говорят о сложном психологическом состоянии, выгорании, тревожности и усталости от репрессивного фона. При этом они постоянно возвращаются к теме безопасности, а также (само-)ограничений, самоцензурирования своей деятельности. Также среди тех, кто продолжает работать внутри Беларуси, распространено мнение, что даже если пока они столкнулись с относительно небольшим, ограниченным репрессивным давлением, они все равно потенциально ожидают, что столкнутся с большими преследованиями в будущем.

*«Мы тоже где-то в этом состоянии, потому что, несмотря на то, что мы там что-то делаем, все равно каждый раз ты проверяешь свою деятельность через призму безопасности, ограничиваешь себя и формами, и темами. Да, это, конечно, выживание, это не просто счастливая жизнь и планирование долгосрочное... И мы недавно как раз оценивали ментальное состояние наших коллег, коллежанок... И это очень-очень все критично: ...хроническая усталость, выгорание, депрессия, антидепрессанты, есть суицидальные мысли... И поэтому да, слова про выживание – это вопрос насколько хватит сил еще, потому что какая-то такая тотальная усталость и постоянная угроза».*

В высказываниях о выживании также содержательно звучала тема сложного обустройства для уехавших сотрудников организаций за границей. Данное обстоятельство ожидаемо приводит к большому количеству проблем, порождает у людей чувство неуверенности относительно выживания за границей. Этот психологический аспект сложен еще и тем, что в Беларуси некоторые из этих людей

владели имуществом, некоторые работали на нескольких работах, что давало им ощущение материальной безопасности, которое исчезло после того, как их организации были репрессированы, а сами они столкнулись с преследованием и давлением.

*«Преодоление трудностей, которых раньше не было. Условно говоря, ...то, чем в основном мы занимаемся, и до 2020 года все было достаточно просто. Но поскольку все находилось в Беларуси и как минимум какие-то бытовые моменты были решены (в частности, у людей были дома, у людей была более-менее очерченная сфера деятельности, очерченное будущее), то сейчас, конечно, такими категориями мыслить нельзя».*

При оценке общего состояния гражданского общества важным представляется высказывание о том, что репрессии, по сути, полностью изменили его вид, структуру, а также физические и виртуальные площадки. В связи с этим люди в Беларуси, которые хотели бы и потенциально готовы заниматься какой-то общественной деятельностью, часто не знают, где найти информацию о возможностях, к кому обратиться с подобным запросом.

*«Ландшафт [гражданского общества] разрушен полностью, его архитектура, то есть в каком-то воздухе как бы повисла... Нету никаких структур, которые официально [работают], в которые раньше можно было приходить. Плюс они же вот еще этот удар нанесли по сетям. То есть ты не можешь быть подписан там на какие-то [страницы в соцсетях]».*

В качестве еще одной важной характеристики состояния гражданского общества звучало утверждение о его «невидимости», когда некоторые организации (особенно с лидерами за границей) говорили о том, что они уже пережили состояние кризиса и могут осуществлять определенную деятельность. Однако эта деятельность, во-первых, стала меньше по масштабам. Во-вторых, она стала «невидимой». То есть даже те организации, которые в принципе готовы говорить о том, что пережили состояние кризиса, вместе с тем из соображений безопасности не могут и не готовы публично говорить о том, что они делают, чтобы иметь возможность продолжать деятельность внутри страны, не давать властям информацию, которая может стать основанием для репрессий.

*«Мне кажется, оно [состояние гражданского общества] тяжелое. То есть я не могу сказать, что это уже состояние кризиса, потому что все как будто бы привыкли уже к тому, как мы сейчас работаем, какие есть возможности... Это тяжелое состояние в плане того, ...что ты становишься, твоя деятельность такая суперневидимая».*

В качестве наиболее оптимистичных моментов в оценке состояния гражданского общества и своей собственной деятельности респонденты говорили о том, что на фоне постоянных репрессий их команды сплотились и стали сильнее, т. е. улучшилась ситуация с доверием, поддержкой и заботой друг о друге. Произошло налаживание внутренних процессов и политик, на что раньше в силу активной деятельности не хватало временных и человеческих ресурсов. Некоторые интервьюируемые отмечали, что гражданское общество и организации проходят адаптацию и что можно говорить об определенном переформатировании гражданского общества.

*«Как будто бы, например, наша команда сильнее стала вот за этот период времени. Во-первых, мы научились и работаем в онлайн... Потом второй момент, ...начали тоже перестраивать деятельность, мы больше стали думать про безопасность... Мы больше выросли. Например, стали по-другому понимать, как лучше нам принимать решения... Потому что раньше был такой фокус на активности, ...а тут больше такое: давайте мы подумаем, как структура, как мы принимаем решения, что мы хотим...».*

*«...То зараз гэта задача захаваць усё, што можна, жывым, паспрабаваць адаптаваць тое, што робіцца, перафарматаваць, каб рабіць нешта ў Беларусі, з-за межаў Беларусі для беларусаў, што-та за мяжой для тых беларусаў, якія выехалі з Беларусі. Ну да, зараз перыяд такі... перафарматавання».*

Также, как и в предыдущих мониторингах, наши собеседники говорили о том, что их деятельность в настоящее время можно охарактеризовать как подпольную. Однако в качестве относительно позитивной характеристики можно привести оценку, согласно которой, даже действуя подпольно, белорусское гражданское общество накапливает потенциал для будущих изменений, возможности позитивных и открытых действий.

*«Мне кажется, уже мы перевалили кризис, выживание все еще актуально, но я бы сказала, что это такое суперподполье, скрытность и выжидание... Не сказать, что мы прям типа ушли, что как будто бы гражданское общество закончилось. Оно есть, но оно просто пока назревает, просто оно прячется и назревает... То есть это какое-то выжидание, теперь это не выживание, а выжидание».*

### **Существует ли альтернатива репрессированным организациям на местах?**

В ходе исследования мы проверяли предположение о том, что репрессии в отношении организованного гражданского общества привели к нехватке услуг и/или активностей для населения на местном уровне, а провластные организации (ГОНГО) и

сами госорганы пробуют заполнить образовавшееся пространство, предоставив какие-то альтернативные услуги. В дополнение к этому мы стремились узнать, появляются ли в регионах какие-то новые негосударственные инициативы и активисты, которые теоретически также могут занять это вынужденно возникшее пространство.

Рассуждая о ситуации в своих городах и областях, интервьюируемые говорили о том, что репрессии в целом «зачистили» пространство в них: большинство существовавших до 2020 года организаций были ликвидированы, многие активисты оказались в местах заключения или уехали. Придерживающиеся такой оценки ситуации собеседники утверждали, что на месте ранее существовавшего сектора гражданского общества остался своего рода вакуум, т. е. старые организации были уничтожены, а на их место никто не пришел. При этом государство не может и не хочет ничем заполнять образовавшееся пустое пространство. Правда, отмечалось, что в некоторых случаях сходную деятельность могут начать ГОНГО, однако они по-настоящему не мотивированы включаться в такого рода деятельность, так как для них это задание «сверху», а не собственная инициатива. Указывалось, что кроме того ГОНГО могут использоваться в пропагандистских целях для идеологических атак на нелояльных властям людей.

*«...Компенсируется? Не думаю. Я не вижу каких-то адекватных предложений со стороны государственных органов или ГОНГО. То есть те организации общественные, которые перестали работать, их деятельность условно [ГОНГО] не подхватили».*

*«Новых «наших», нормальных [ОГО] нет [не появляется]. Конечно, может быть, появляются какие-то другие, которые к нам, к нашему всему нормальному сообществу не имеют никакого отношения...».*

*«И плюс ко всему появляются ж всякие там ячейки партии Белая Русь. Активизируются там разные ячейки Белорусского союза женщин «прекрасного». В информационном плане этого стало, конечно, гораздо больше... Мы видим то, что в региональной прессе, в телеграм-каналах государственных активно идет возвеличение этих организаций, в том числе с помощью языка вражды».*

Однако звучали и другие оценки ситуации с положением гражданского общества на местах. Особенно в отношении организаций, которые работают в социальной сфере. С одной стороны, интервьюируемые говорили о том, что далеко не все такие организации были закрыты. Либо, например, были закрыты только некоторые структурные подразделения какой-то организации. В этом случае структуры, сохранившие регистрацию, в некоторых случаях заняли позицию подчинения властям, беспрекословного выполнения их требований по избыточной отчетности и другим

вопросам. В результате происходит кооптация, поглощение таких социальных организаций государством.

*«Есть организации, которые продолжают работать в Беларуси... Они продолжают официально работать, официально получают гранты, регистрируют их, и там уже совсем другой уровень. Но это, грубо говоря, это легшие под государство организации. Они сейчас делают не работу для целевой группы, я бы сказала, а делают работу по закрытию у государства каких-нибудь, знаешь, таких вот технических проблем».*

В случае активистов и организаций, которые остаются и продолжают работать в Беларуси, чиновники пытаются также буквально заставить их оказывать какие-то услуги, хотя и неясно, на каких основаниях и с каким финансированием. Например, предлагают создавать какие-то площадки, проекты, не предлагая при этом никакой поддержки либо вообще предполагая, что организации вложат в них некие собственные средства.

*«Я прихожу в исполком, и мне предлагается: «Сделай помещение, поставь кровати, оплачивай помещение». Я говорю: «А за что?» – «Ну вы же общественная организация».*

Также упоминались случаи социальных организаций, работающих с определенными целевыми группами и проблематикой, когда государство пытается создавать им какие-то замены и альтернативы. Однако эта деятельность в ряде случаев не только не помогает людям, а, наоборот, может наносить им вред. В качестве примера такого развития событий приводилась ситуация, когда госорганы в одном из регионов пытались работать с проблемой домашнего насилия, но при этом создавали методические пособия, следование которым может привести не к решению, а к усугублению ситуации для людей, которые проходят через этот травматичный опыт. В какой-то степени спасти эту ситуацию могут обученные ранее (при содействии общественных организаций) сотрудники из госсектора, если они остались работать на своих местах после начала политического кризиса. Однако в целом формальный подход или же имитация госорганами каких-то направлений деятельности и активностей, которые ранее реализовывались ОГО, несут потенциальную угрозу для людей, которые остаются без помощи в сложных жизненных ситуациях.

*«Не хватает методических, еще каких-то материалов, и сейчас они начинают под это разрабатывать... Когда смотришь эти материалы, становится страшно из-за того, что... настолько бредовые, можно сказать, вещи по контенту... в этих продуктах. Когда реально понимаем, что не работают люди, которые разбираются в этой теме сейчас над этими продуктами, от этого становится страшно и обидно... Получается, что полностью вообще выхолащивается вся*



*изначальная идея, это опять становится какой-то картинкой, с точки зрения существования. Но по контенту это практики, которые не оказывают услугу, а наоборот – ухудшают ситуацию».*

Более того, в случае, когда государственные чиновники или ГОНГО пытаются заимствовать и повторять какие-то проекты и идеи, которые раньше делали ОГО, то у них, по мнению интервьюируемых, отсутствуют адекватные представления о том, что и зачем они делают. Реализовывающие какую-то инициативу люди, с одной стороны, могут проявлять определенный энтузиазм. С другой – не понимать ни того, как работают некоммерческие проекты, ни того, как они могут финансироваться.

*«Вот у нас есть Союз женщин... Они то, что мы, наши организации, когда-то проводили, они все это подсмотрели,... как мы проводили, как другие проводили. Все примерно то же самое, только под другим соусом [сами сейчас делают]».*

Интересно, что по рассказам интервьюируемых, несмотря на репрессии государства в отношении общественных организаций, чиновники на местах в некоторых случаях по-прежнему могут давать обращающимся к ним людям контакты организаций, которые раньше работали с данной темой. Либо же вообще на сайтах исполкомов сохраняется информация (с контактами) об организациях, которые уже ликвидированы.

Вместе с тем упоминались и факты, когда местные чиновники, вместо того, чтобы работать с проблемами социально уязвимых групп, просто отчитывались об отсутствии проблем. То есть создавали видимость того, что все социальные проблемы уже решены и никакая работа в этом направлении не нужна. Кроме того, люди не доверяют госорганам и далеко не всегда готовы идти в них в кризисных ситуациях, понимая, что при этом никак не будут защищены их личные данные и обеспечена анонимность обращений.

*«Нет у людей доверия, и особенно в этих центрах, которые сливают информацию, где есть какие-то карательные методы. Когда нужно оставлять свои личные данные, с паспортом идти, то люди не обращаются».*

Сами ОГО, которые были закрыты, говорят, что стараются продолжать работать со своими целевыми аудиториями (особенно с социально уязвимыми). Однако то, что большинство услуг сейчас либо в силу вопросов безопасности, либо из-за того, что сотрудники организаций находятся за рубежом, предоставляются онлайн, ведет к негативным последствиям. Целевые группы не получают необходимой помощи в нужном для них объеме и в удобном виде, либо получают ее в усеченном объеме.

Важно, что, рассуждая о том, заменяются ли репрессированные ОГО какими-то альтернативами, многие интервьюируемые утверждали, что со стороны людей в

регионах сохраняется запрос на общественную деятельность, совместное времяпрепровождение и какие-то проекты. Хотя при этом подчеркивалось, что даже физически пространств (коворкингов, кафе, хабов и пр.), в которых люди могли бы собираться, в их городах стало намного меньше, чем раньше.

*«В целом... у жителей города ощущается потребность во взаимодействии и в посещениях каких-то мероприятий и обсуждений или хотя бы в слушании чего-либо. Потребность есть, мне кажется. Раньше было больше предложений и, может, меньше активности людей, а сейчас люди ходят очень активно».*

Несколько раз в интервью указывалось, что в некоторых белорусских городах возникают новые горизонтальные низовые инициативы. Как правило, в этом случае речь идет об инициативах, связанных с культурой и совместным проведением свободного времени. При этом интервьюируемые с удивлением говорили о том, что иногда эти новые инициативы берут названия, которые раньше принадлежали ликвидированным организациям. Такими инициативами может заниматься молодежь.

Можно предположить, что люди, запускающие новые инициативы, либо непосредственно не столкнулись с репрессиями, либо оценивают риски в сфере безопасности иначе, чем активисты, давно работающие в третьем секторе. Кроме того, подчеркивалось, что вновь появляющиеся инициативы стараются не опубличивать свою деятельность, чтобы избежать возможного давления. Вместе с тем важно, что выехавшие за границу активисты говорили о готовности поддерживать такие новые локальные инициативы, делясь своим опытом или помогая каким-либо другим образом.

*«Есть какая-то молодежь, которая пытается что-то делать... Они написали даже бизнес-план - открыть такое место. Вообще удивительно. Они беларускамоўныя, ценности у них соответствующие, хотят назвать это место [название площадки], как будто и не слышали про репрессии... То есть логика таких людей, которые продолжают каким-то активизмом заниматься, – что люди не могут, наверное, по-другому, или считают, что это их не касается, или что это безопасно, или что-то ещё, или не понимают рисков. И слава Богу, может быть, что не понимают. Потому что человек, который все продумал наперед, все риски, он и на площадь не пойдет, и не выскажется нигде лишний раз...».*

Кроме того, можно констатировать невысокую осведомленность инициатив о деятельности друг друга. Была ситуация, когда один из двух человек из одной области рассказал, что в областном центре появляются новые инициативы, а другой, напротив, утверждал, что ничего нового не появляется. Также была ситуация, когда представители двух организаций из одного города мало знали о деятельности друг друга.

*«Как ни странно, да, некоторые инициативы появляются. В [название областного центра] появилась очень хорошая, даже две инициативы [названия]... Но тут надо учитывать, что мы можем чего-то не знать за счет того, что, если какие-то организации появятся, они будут почти 100% непубличны. То есть будет просто группа граждан, о которой будут знать свои и будут знать, что они помогают каким-то людям».*

Подводя итог, можно говорить о том, что де факто государство ни само, ни используя ГОНГО, не может заменить существовавшие ранее ОГО с их проектами, услугами, мероприятиями и не создает им качественные альтернативы. Репрессировав и закрыв организации гражданского общества, государство оставило белорусов в своего рода социальном вакууме в плане социальных, культурных, гражданско-политических, образовательных и иных дополнительных возможностей. Вместе с тем у людей на местном уровне есть запрос на совместную деятельность, а также есть редкие случаи появления в городах новых низовых инициатив.

### Повестка организаций

В ходе исследования мы спрашивали о повестке, с которой в настоящее время работают организации, а также о том, насколько на эту повестку влияет нахождение в том или ином регионе. В целом наши собеседники говорили скорее о том, что место их нахождения не влияет на приоритеты и направления работы организаций. Можно говорить о том, что практически все организации осуществляют те или иные активности, связанные с решением местных проблем.

В качестве особенностей повестки местных организаций один из наших собеседников отметил то, что людей в регионах больше волнуют близкие им проблемы, а не те, которые связаны с высоким политическим или даже геополитическим уровнем.

*«Я б сказаў, што ў рэгіёнах, у прыцыпе, адны і тыя ж праблемы. Быць можа нейкая лакальная спецыфіка таго ці іншага горада, але ў цэлым, калі мы кажам у цэлым, яны адрозніваюцца, на маю думку, ад менскіх праблем. І гэтыя праблемы – яны больш такога нізавага ўзроўню. Гэта не праблемы, скажам так, палітычнага выбару ці палітычнай будучыні, не пытанне, мы там з Расеяй ці там з Еўрасаюзам... Людзей хвалююць значна больш банальныя рэчы».*

При этом в одном из интервью упоминалось, что поскольку деятельность ОГО и гражданского общества в целом во многих случаях перешла в онлайн-формат, практически исчезла повестка, связанная с микрорегионами, работой с какой-то

специфической местной проблематикой. В итоге все больше (онлайн)-деятельности и активностей перемещается скорее на национальный уровень.

*«Мікрарэгіёны ў пэўным сэнсе адпадаюць, таму што становіцца менш вот гэтых людзей, актывістаў, гатовых на праактыўную пазіцыю, сродкаў масавай інфармацыі. І мы зноў выходзім на анлайн-нацыянальны, я б сказаў, узровень, калі мы проста праз анлайн спрабуем данесці свае меркаванні».*

Также подчеркивалось, что из-за высоких рисков в сфере безопасности и репрессий, повестка дня работающих в регионах организаций стала максимально нейтральной, затрагивающей только те темы, которые условно можно считать не содержащими потенциальных рисков в сфере безопасности для участников.

*«Я думаю, что сейчас, из-за того, что мы супертравоядные, повестки одинаковые: просто что-то делать. Мы просто приняли для себя такое решение, что, да, мы не можем высказывать свою позицию, да, мы не можем говорить о политике, да, мы не можем учить людей дебатам или ещё чему-то, но мы можем то, что можем, и людям этого достаточно, и мы будем закрывать эту тему творчески. ...Мы хотим делать хоть что-то, и для этого мы делаем все травоядное. И этого достаточно, потому что те люди, которые приходят, они это видят, благодарят и закрывают свои потребности хоть в этом, в сообществе и в безопасном месте. Вот это наша сейчас повестка – создать сообщество и создать безопасное место для выражения своих мыслей».*

При этом в нескольких интервью звучала эмоциональная оценка того, что коллеги по сектору могут критиковать действующие на местном уровне организации за то, что они занимаются проектами и темами, не имеющими большого гражданско-политического значения. Собеседники же защищали такую повестку как значимую для живущих в городах людей и способную объединять их для того, чтобы действовать в общих интересах. Кроме того, работа с такой повесткой видится интервьюируемым как способ сохранения для выехавших организаций связей с людьми внутри страны.

*«Я вообще считаю, что стоит именно таким вот заниматься, чем мы сейчас занимаемся. Потому что это очень близко и понятно людям. Потому что все сейчас обсуждают: вот оторванность от каких-то структур, которые куда-то там уехали от реальной жизни. Так вот это и есть реальная жизнь, которую люди живут каждый день, что они не могут там с коляской выехать, потому что нету этих пандусов. Я понимаю, что это опять называется, как пишут, когда про нас писали, «им нечем заняться, они занимаются мелкотемьем». То есть еще слово такое придумали, то есть мелкие темы...».*

*«Да, это «мелкие темы», ерундыстика. И такое, наверное, на каком-нибудь форуме не расскажешь... Это трудно как-то презентовать. Но на самом деле это помогало нам оставаться на связи с людьми, быть для них актуальными, жить их проблемами, а это очень важно тоже для людей, то есть, люди понимали, что... вот кто-то наконец-то говорит о наших проблемах, о нашей жизни. Потому что, а кто об этих проблемах будет говорить, больше некому. И мне кажется, что стоит таким заниматься, и вот я мало такого вижу сейчас в регионах...».*

Кроме того, в одном из интервью говорилось, что в тех случаях, когда организации сохранили регистрацию, существует не только риск, но и реальные факты, свидетельствующие об определенном ценностном и содержательном конфликте в их деятельности. Поскольку деятельность таких организаций осуществляется в сотрудничестве с госорганами, то и ее наполнение связано не столько с обеспечением общественного интереса как такового, сколько с ориентацией на представления об общественной деятельности, ее целях, задачах и наполнении со стороны местных чиновников.

*«Я не могу сказать, я не вижу какой-то такой совсем специфики. Единственное, что те люди, которые продолжают работать в регионе, ...они стали либо более шелковыми, с точки зрения официальной повестки... И даже рассматривая наши собственные первички внутри, я вижу, каким образом они продолжают взаимодействовать с субъектами [власти] для реализации своей повестки, своей темы, своих услуг и так далее. Но не складывается с тем ценностным посылом, который озвучивается, к примеру, внутри нгошной среды».*

### Оценка доступа к целевым группам

За небольшими исключениями практически все интервьюируемые говорили о сложностях с доступом к целевым группам. Эта проблема связана как с общим репрессивным фоном, крайне ограниченными возможностями проведения офлайн-мероприятий и уменьшением количества активистов в регионах (из-за арестов, отъезда за границу), так и с ситуацией в сфере независимых СМИ, которые также страдают от репрессий и сами получают статус «экстремистских формирований», а их сайты заблокированы на территории Беларуси.

Закономерно, что с наименьшими проблемами с доступом к целевым аудиториям сталкиваются те организации, которые проводят мероприятия в онлайн-формате. Особенно при условии, что они тратят дополнительные ресурсы на таргетированное продвижение своей деятельности в социальных сетях. Однако и в этом случае

собеседники говорили, что они вынуждены были отказаться от распространения информации через какие-то другие каналы, кроме собственных.

*«Мы полностью отказались от каких-то сторонних посредников при распространении информации. У нас есть наш канал информационный – и всё, больше мы, в принципе, ничего не используем. Но при этом мы усилили нашу коммуникацию и сложностей в коммуникации с аудиторией не испытываем».*

*«Калі мы кажам пра анлайн, то ў нас няма з гэтым праблем, таму што рэклама праз сацыяльныя сеткі, праз нашы кантакты, каторыя таксама не экстрэмісцкія, яно дагрукваецца. Калі мы хочам атрымаць нейкую зваротную сувязь, правесці даследаванне, запрасіць людзей на нейкія анлайн-курсы, пасля з імі афлайн сустрацца, то з гэтым праблем няма, таму што рэклама прабівае і людзі чытаюць. Праблема заключаецца часам у тым, калі б мы захацелі працаваць афлайн...».*

Ожидаемо с меньшими проблемами с доступом к целевым аудиториям сталкиваются организации, которые давно работают в той или иной сфере, имеют широкий круг бывших участников своих программ. Это помогает им сохранять количество людей, которые участвуют в организуемых ими мероприятиях.

*«У плане работы з [назва праекту] тут прасцей, таму што ў нас вялікая колькасць людзей, якая нас ведае, ... і мы ведаем, што мы сваю патрэбную колькасць людзей набярем нават без шырокай інфармацыйнай кампаніі».*

Больше всего ситуация с доступом к целевым группам ухудшилась в случае, когда региональные организации, у которых все еще есть сотрудники на местах, проводят мероприятия в Беларуси. В таких случаях организации закономерно опасаются распространять информацию о мероприятиях через публичные каналы. А набор происходит преимущественно через личные контакты и связи, что закономерно снижает количество участников. Балансирование между стремлением сохранить офлайн-формат в своей деятельности и стремлением обеспечить безопасность как самим организаторам, так и участникам мероприятий, является крайне сложным. И в случае наличия хотя бы минимальных рисков офлайн-мероприятия отменяются. Поэтому распространение информации о планируемых мероприятиях происходит преимущественно среди людей, которым доверяют и которых как-то проверяют сами организаторы. Это приводит к существенному уменьшению количества людей, которые не только приходят, но и знают о самом факте проведения мероприятий той либо иной организацией или инициативой.

*«Мы не можем публично о себе объявить. Мы не можем на своем фейсбуке объявить, что у нас, например, есть такая-то программа. То есть достучаться до широкого количества людей мы не можем...».*

В качестве одного из ограниченных решений проблемы с доступом к целевой аудитории активисты создают новые группы людей, которых они причисляют к категории «безопасных». Затем они распространяют информацию о своих активностях и мероприятиях уже среди этих групп. Однако в целом многие из собеседников говорили о существенном (например, в 5 раз) уменьшении количества людей, которые могут посещать их мероприятия в одном из городов Беларуси.

Еще одним решением проблемы ухудшающегося доступа к целевой аудитории является ситуация, когда в региональную организацию в Беларуси приходят новые волонтеры. В этом случае повышается доверие к проводимым мероприятиям. Однако приход в организацию новых людей является скорее исключением, чем правилом.

*«Со временем за счет того, что у нас опять-таки появились (ну не появились, а добавились) новые волонтеры «на земле», в том числе из разных возрастных категорий, тогда с этим [доступом к целевой аудитории] стало немного легче. Нормализовалось, так сказать, слегка».*

Вместе с тем в интервью озвучивались и как минимум две системные проблемы, которые существовали с доступом к целевой аудитории в регионах Беларуси до 2020 года и остаются актуальными сейчас. Первая состоит в том, что доступ организаций к людям в регионах всегда был более сложным и проблематичным по сравнению с Минском. И вторая проблема в том, что, как правило, существующие каналы распространения информации о предлагаемых программах, проектах и мероприятиях гражданского общества ориентировались больше на столицу, чем на регионы. По мнению интервьюируемого, эти проблемы так и остаются нерешенными.

В целом организациям, которые продолжают работать на местном уровне, удается проводить офлайн-активности в разных городах Беларуси. Однако количество их участников сильно ограничено. Можно говорить о том, что доступ организаций к целевым группам крайне затруднен.

### Планирование деятельности организаций

Большинство опрошенных нами региональных организаций занимаются планированием своей деятельности, понимают ее ценность и значение для своей успешной деятельности. У некоторых есть как стратегические, так и операциональные

планы, а также показатели по проектам, на которые они ориентируются в своей деятельности. Однако в случае, когда организация, включая ее руководство, находится в Беларуси, а также когда большая часть деятельности осуществляется в стране и офлайн, горизонты планирования, как правило, уменьшаются или исчезают совсем. И в таком случае организации действуют исходя из тех условий, в которых они существуют, с условным планированием на несколько месяцев.

*«Что касается Беларуси, мы живем сегодняшним днем, потому что мы не знаем, в какой момент нам придется закрыться, что может произойти».*

*«...Из реалистичного, что более-менее есть и удерживается, – это в течение одного месяца, а все остальное – планы есть, но мы сами в них не верим...».*

### Ситуация с финансированием

В рамках интервью мы спрашивали о том, из каких источников и на какие сроки у региональных организаций есть финансирование для их деятельности. Характерно, что самый большой из называемых сроков, на который у организаций есть финансовая поддержка, - это год или полтора. В некоторых случаях речь идет всего о нескольких месяцах.

У всех организаций, получающих финансирование, оно является проектным. Только в одном из случаев организация получает доходы, поскольку действует в Беларуси в статусе коммерческого предприятия. Однако эти доходы крайне небольшие и являются скорее способом формализации деятельности в Беларуси, чем реальным источником дохода. Несколько интервьюируемых говорили о том, что думают о возможностях запуска краудфандинга, однако эти планы еще не реализованы.

Самая худшая в финансовом отношении ситуация у организаций, главы которых по-прежнему находятся внутри Беларуси и у которых нет сотрудников, выехавших за рубеж. В этом случае говорилось об отсутствии финансирования в принципе и о продолжении деятельности скорее на волонтерских началах. В случае, если в организациях кто-то выехал, это, как правило, помогает получать финансирование для инициатив и людей, работающих внутри. Также немного более уверенно в финансовом отношении чувствуют себя активисты, которые выехали за рубеж и работают дополнительно на других работах. В данном случае они говорили о том, что могут продолжать заниматься своей организацией без оплаты, что, однако, влияет на объемы и результаты их деятельности.



В целом ситуация с финансированием у работающих на местном уровне организаций и их активистов внутри и за пределами Беларуси является нестабильной и сложной.

### Проблемы местных организаций и инициатив в Беларуси

*«Мне кажется, ключевое [то], что деятельность просто стала невидимой»*

Из интервью

В своей деятельности местные организации сталкиваются с многочисленными и разнообразными проблемами. При этом необходимо сразу отметить, что помимо некоторой специфики репрессий остальные сложности являются схожими, независимо от того, в каком городе или области работает та или иная организация. Упомянутые в интервью проблемы можно условно разделить на несколько групп:

1. Проблемы репрессивной среды. В эту группу входят многочисленные риски как в плоскости безопасности тех активистов, которые физически находятся в Беларуси, так и выехавших активистов, которые переживают за своих родных, семьи, коллег и целевые аудитории внутри Беларуси. При этом интервьюируемые рассказывали о сильном волнении, которое испытывают их сотрудники, когда проводят офлайн-мероприятия в Беларуси, в связи с тем, что те, кто придет на их мероприятия, могут впоследствии пострадать из-за этого.

*«Очень большой у нас страх: боимся навредить тем, кто остался... Не можем найти оптимального формата, чтобы и публично как-то заявлять про себя, ...чтобы никому не навредить».*

Здесь также нужно назвать и ситуацию сохраняющегося и даже усугубляющегося правового дефолта, когда в стране не действуют формальные или просто понятные «правила игры». А существующие правила могут волюнтаристски изменяться в зависимости от представлений властей о политической целесообразности.

*«...Отсутствие безопасности. С одной стороны, хочется сказать, [нет] понятных правил деятельности, каких-то рамок, но, с другой стороны, вроде как мы знаем эти рамки. Но опять же, законы не соблюдаются. И даже зарегистрируй ты какую-то организацию – не факт, что ты будешь с ней спокойно работать».*

Параллельно с этим в некоторых сферах (например, в образовании) белорусское государство вводит настолько сложные правила, что ОГО, даже не имея рисков в сфере безопасности, не могут осуществлять свою деятельность.

*«За последние полгода-год появилось очень много новых формальных препятствий для осуществления любой неформальной образовательной работы. Это касается и введения законодательных актов, постановлений и т.д., ограничения работы или формализации образовательных услуг».*

Кроме того, высокие риски безопасности приводят к эффекту самоцензурирования. Сами организации принимают решение не включать в свои программы участников из Беларуси либо давать им работу в своих проектах. Однако важно отметить, что в первом случае (невключения участников) серьезной проблемой может быть и невозможность помочь им с оформлением визы для выезда за границу.

*«Люди в Беларуси часто исключены из каких-то образовательных программ, потому что или не набирают, ...или набирают при условии, что они сами открывают себе визу. Но мало кто знает и может это сделать быстро... Часто вакансии пишут про то, что человек, беларус, беларуска, должны быть в эмиграции, и тогда, получается, исключены люди внутри Беларуси. ...По причинам безопасности их там даже не рассматривают».*

Серьезным риском для организаций является угроза или факт включения ее белорусскими властями в список экстремистских формирований либо признание информационных площадок экстремистскими материалами. В этом случае организации неизбежно сталкиваются как с количественным уменьшением своего охвата и аудитории, так и с увеличением риска того, что участвующие в их мероприятиях люди могут быть арестованы.

2. Проблема невидимости, непубличности деятельности организаций. Наверное, именно ее можно назвать главным содержательным посылом в ответах на вопрос о том, с какими основными проблемами сталкиваются действующие на местном уровне белорусские организации.

Эта проблема имеет несколько измерений. Во-первых, в силу рисков в сфере безопасности сами организации редко публично рассказывают и не стремятся рассказать о своей деятельности, проектах, успехах и достижениях, которые у них есть. Во-вторых, поскольку сами организации в секторе не знают о проектах и планах друг друга – это приводит к ситуации, когда в условиях ограниченных возможностей они пытаются получить финансирование на сходные (либо вообще идентичные) проекты, создавая конкуренцию друг другу. В-третьих, существует крайне мало даже закрытых, непубличных площадок, где организации могли бы поделиться информацией о своей деятельности и планах как с донорами, так и друг с другом. Также критиковался подход, когда даже на те немногочисленные площадки, которые все-таки существуют, белорусские организации приглашаются по неясным критериям и основаниям. В результате внутри сектора создается ситуация неравенства и нездоровой конкуренции.

*«Вельмі мала бывае гэтых [мерапрыемстваў] нават па-за межамі [донарскіх] канферэнцый, каторыя б давалі магчымасць падвесці нейкія вынікі, паглядзець, хто чаго робіць. Проста зараз, я ведаю, ёсць практычна адзін [назва мерапрыемства], каторы можа пахвастацца гэтым... І тое не заўсёды рэлевантную колькасць збірае людзей. І многіх тых, хто мог бы там быць, не было... А мне падаецца, што вось раней было больш магчымасцяў, калі розныя людзі казалі: «О, мы рэалізуем класны праект, далучайцеся...». А зараз, мне здаецца, што пра гэту сферу, калі хто-та атрымлівае фінансаванне, то яно як-та ідзе абсалютна максімальна незаўважным чынам, і ты нават не ведаш, што там робіцца ў тваім сектары».*

В результате незнания о деятельности друг друга и снижения доверия у организаций могут снижаться и возможности для совместной деятельности. Это ведет к раздробленности, созданию мелких кругов условного доверия, когда люди из одних и тех же организаций и инициатив общаются преимущественно друг с другом. Также это ведет к ситуации, когда повышается риск, что наиболее коммуникативная (но не обязательно наиболее функциональная) из таких сетей символически захватывает пространство, говорит от имени всего сектора и имеет лучшие шансы на получение поддержки.

Кроме того, на уровне самих организаций отсутствие публичности ведет к тому, что возникает риск их устойчивости в отношении работы с целевыми группами. По причине безопасности организации закрываются от своих аудиторий и со временем могут вообще утратить к ним доступ.

*«Больше всего мешает деятельности вот эта вот скрытность, наша анонимность и то, что мы закрываемся. ...От этого мы очень фрустрируем, потому что вроде как мы делаем что-то для людей и в то же время мы их отталкиваем, мы их как-то проверяем, ...мы закрываемся от аудитории, с которой бы очень важно и нужно разговаривать и работать. То есть у нас либо лояльные все, либо чуть-чуть сомневающиеся. Но с той аудиторией, которая закрыта для нас, с которой мы не можем поговорить и объяснить, что «ну, ребята, мир не такой черно-белый», мы к ним не можем выйти. А если мы видим этих людей, мы их не подпускаем к себе, исходя из безопасности».*

### 3. Недостаточная или полностью отсутствующая донорская поддержка деятельности организаций внутри Беларуси.

Некоторые местные активисты, которые находятся внутри страны, говорили о том, что после событий 2020 года не получают практически никакой помощи. И продолжают делать что-то для своих целевых аудиторий либо в минимальных объемах, либо находятся в ситуации, когда им вообще придется прекратить свою деятельность.

*«А после 2020 года это все финансирование извне – сейчас его нету. И то, для чего фактически была организация, чтобы официально работать и получить финансирование извне и решать местные локальные проблемы, – сейчас этого все равно нету».*

#### 4. Особенности донорской поддержки.

Здесь нужно отдельно выделить проблемы, связанные с плохим психологическим состоянием сотрудников организаций. Много раз в интервью (особенно у руководителей организаций) звучала озабоченность тем, в каком психологическом состоянии находятся их сотрудники. При этом отмечалось, что именно эта проблема часто либо не замечается, либо не находит должного понимания доноров.

*«У нас в команде актуален вопрос ментального здоровья. Доноры, видимо, считают, что если год пробыл за границей - считай, здоров. Мы запрашивали такую помощь у доноров, нам в этот раз все эти строки затрат вычеркнули».*

Указывалось и на проблемы с экстренной и быстрой помощью и поддержкой, когда она нужна на актуальные нужды и потребности организаций. Например, если человеку нужно оказать срочную помощь с психологической поддержкой, а на получение донорского одобрения требуется долгий срок, по истечении которого проблема может усугубиться настолько, что запрошенная ранее поддержка может уже не понадобиться.

Не менее актуальной для людей, работающих в ОГО, является проблема оплаты их труда.

Для тех активистов, которые работали в организациях местного уровня, уехали из страны и работают за границей, также возникают серьезные риски для материального положения; сложно проходит адаптация на новом месте. Здесь важно отметить, что люди из регионов часто и до вынужденного отъезда находились не в лучшем финансовом положении, поэтому для них переезд в более дорогую страну пребывания означает еще большие материальные риски.

*«Если просто есть какая-то региональная, отдельно стоящая организация, то, по ощущениям, ей будет гораздо сложнее решить свои бытовые моменты. И естественно, если ты не решаешь бытовые моменты: что тебе есть, где тебе жить, где тебе спать, – опять-таки, сложнее осуществлять свою деятельность».*

Проблемой является и упомянутое в некоторых интервью отсутствие поддержки на стратегическое планирование, встречи команды организации в случае, когда ее участники находятся в разных странах.

*«Невозможность провести какое-то совместное стратегическое планирование, потому что часть команды не может въехать в Беларусь, а чтобы всех собрать, нужны ресурсы и финансы. А такое ощущение, что сейчас как будто меньше стало этих возможностей для проведения этого планирования и мы почти за полгода поисков ничего не нашли...».*

5. Проблемы с несовпадением между возможностями осуществления деятельности внутри Беларуси и предъявляемыми требованиями по проектной отчетности.

Как и в предыдущих мониторингах состояния белорусского гражданского общества, интервьюируемые указывали на то, что им крайне сложно, а иногда просто невозможно следовать требованиям, которые существуют у доноров для отчетов по проектам, реализуемым внутри Беларуси. В частности, невозможно предоставить расписки и письменные подтверждения расходов за проектные мероприятия, проведенные внутри страны в силу рисков безопасности.

*«Очень сложно писать отчеты... Многие отказываются давать чеки, например, если это какие-то площадки в [название города]... И ты пишешь постоянно какие-то пояснительные записки, отчеты, почему ты не можешь дать чек за помещение, а сам владелец помещения этого сидел на сутках, и он отказывается не то что расписку писать, он отказывается даже свои инициалы расшифровывать».*

Одним из негативных эффектов подобного рода требований по отчетности и невозможности их удовлетворить является ситуация, когда активисты внутри Беларуси выгорают и утрачивают желание делать что-то внутри страны. Либо же в случае, если часть команды находится за рубежом, они принимают решение переориентироваться в своей деятельности исключительно на мероприятия и/или аудиторию за пределами страны.

В качестве отдельных проблем, которые можно упомянуть в контексте обсуждения специфики проектной поддержки, назывались, во-первых, сложности нахождения зарубежных партнеров в случаях, когда по условиям проекта они должны быть частью проектной заявки с участием белорусской и зарубежной организации. Для активистов было непонятно, где искать и к кому можно обращаться за помощью в поиске таких партнеров. Высказывалось предложение, что в случае, когда подобное требование формулируется донором, для организаций было бы полезно получить консультации о том, к каким зарубежным организациям они могли бы обратиться в качестве потенциальных партнеров.

Во-вторых, среди таких отдельно названных проблем назывался недостаток экспертов для проведения мероприятий внутри страны. Например, ранее некоторые из

организаций практиковали проведение встреч и консультаций по проблемам, интересующим людей в их городах. Сейчас же в интервью говорилось о том, что таких экспертов, специалистов часто физически нет в стране либо они находятся в местах лишения свободы.

*«Сейчас очень много тех людей, которых мы тогда приглашали, ...тех же и адвокатов, юристов, их же сейчас нет: кто-то уехал, кого-то лишили лицензии, кого-то посадили. Сейчас уже [большая] проблема найти специалиста, который бы не побоялся, приехал бы, хотя тут плохого ничего нету, просто поговорить с людьми».*

Таким образом, белорусские организации, которые действуют на местном уровне, по-прежнему сталкиваются в своей деятельности с многочисленными рисками, прежде всего, в сфере безопасности. Однако при этом если репрессивный фон является тем, о чем постоянно говорилось и говорится после 2020 года, в интервью данного исследования в качестве основной проблемы звучала тема невидимости, закрытости для широкой публики деятельности организаций и сопряженных с этим проблем.

## 5. СЕКТОРАЛЬНОЕ И МЕЖСЕКТОРАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

### Внутрисекторальное взаимодействие с другими организациями в своем городе/ регионе на национальном и международном уровнях

На основании анализа интервью можно говорить о том, что внутрисекторальное сотрудничество, взаимодействие между организациями в городах, регионах и на республиканском уровне происходят на уровне 1) общих ценностей и интересов, 2) личных связей, 3) зонтичных организаций.

Активисты, которые давно работают в секторе, достаточно хорошо знают друг друга, причем как на уровне своего города и области, так и на национальном уровне. Основная линия контактов, о которой говорили практически все, – это взаимодействие на основе личных связей, обсуждение и обмен информацией. Закономерно, что лучше знают друг друга люди, которые находятся в одном городе, регионе или работают в организациях со схожей тематикой и общими ценностями. Активисты, которые остаются в Беларуси, ожидаемо намного более осторожны и избирательны в своих контактах, чем их коллеги, которые выехали за границу. Только в нескольких случаях мы получили ответы об институциональном взаимодействии между организациями и совместной реализации каких-то проектов, а не просто личном общении между представителями сектора, которые давно знают друг друга.

*«З некаторымі ёсць [узаемадзеянне], хутчэй у межах праектаў, якія мы робім. У нас там быў праект..., мы супрацоўнічалі з людзьмі з [назвы гарадоў] да моманту, пакуль на іх там сур'ёзна не націснулі, таму што ў [назвы гарадоў] у нас увогуле людзей запалохалі. Яны выключыліся з гэтай праграмы, застаўся толькі [назва гараду]. Нейкія ўзаемадзеянні хутчэй на ўзроўні абмену інфармацыяй зараз адбываюцца. Пра сумесныя праекты ці што-та такое пакуль гаворкі няма».*

Сотрудничество с организациями гражданского общества в других странах осуществляется только в некоторых случаях. Как правило, оно является продолжением связей или проектов, которые организации осуществляли ранее. Чаще в качестве партнеров назывались организации стран Восточного партнерства, Польши и Литвы. Только в одном интервью рассказали о новом направлении международного сотрудничества, возникшем после 2020 года. Вместе с тем интервьюируемые говорили, что война в Украине оказала на международное сотрудничество с иностранными общественными организациями определенное негативное влияние, когда зарубежные партнеры поставили некоторые планы сотрудничества с белорусскими организациями «на паузу» из-за того, что Беларусь является страной-соагрессором в войне России против Украины.

## Межсекторальное взаимодействие

### (Не)взаимодействие с местными органами власти

*«Мы им объяснили, какие хорошие дела мы сделали, на что судья сказала: «Вы можете делать добрые дела и без организации»».*

Из интервью

Деятельность ОГО на местном уровне всегда находилась в зависимости от местных властей. В наших интервью звучали мнения, что западные регионы на уровне местных органов власти (Гродненская и Брестская область) до событий 2020 года были несколько более благоприятными для общественной деятельности, чем восточные регионы (Могилевская и Витебская область). Также говорилось об особенностях Гомельской области и ее властей как о крайне плохо относящихся к третьему сектору еще до начала политического кризиса.

После событий 2020 года отношения с местными властями даже у тех организаций, у которых раньше получалось контактировать с ними, практически исчезли или серьезно ограничились. Условно самое плотное взаимодействие с властями происходит между социальными организациями, которые по-прежнему зарегистрированы в Беларуси. В этом случае, если местным властям не удалось кооптировать и полностью подчинить их себе, они пытаются использовать эти организации в собственных интересах. Один из интервьюируемых рассказывал, что местные чиновники стараются получить с его организации многочисленные отчеты, а затем отчитаться на республиканский уровень о том, что они якобы работают с гражданским обществом. Можно предположить, что имитация сотрудничества местных властей с ОГО формально важна для того, чтобы иметь возможность участвовать в проектах международных организаций (например, ПРООН).

*«Борюсь сейчас... Фонд соцзащиты, исполком – отчеты, налоговая – отчеты, всем нужно сдать отчет. Есть у тебя финансирование, нету у тебя финансирования, ты каждый квартал должен сдавать отчет. Сегодня мне еще добавили Фонд соцзащиты, что вообще каждый месяц мы должны сдавать не отчет, а членскую статистику. И в членской статистике очень интересно: они отработывают (ой, как же это красиво называется) массу, как-то, в чем они меряют наших членов организации – людей с инвалидностью. Они меряют их «удельным весом», вот, вспомнила, «удельным весом»».*

Сами представители социальных организаций, как правило, объясняют свое вынужденное сотрудничество с органами власти необходимостью защиты интересов своих целевых групп.



*«Я всегда отвечала, что у меня есть более важные дела, чем политика, у меня есть люди с инвалидностью, которые нуждаются в помощи, которые нуждаются в поддержке, в защите своих прав, и я буду защищать членов своей организации любыми способами».*

Если активисты остались в Беларуси, крайне редко, но есть случаи, когда их приглашают в госорганы и учреждения образования для проведения каких-то лекций, презентаций по специализированным темам. Также рассказывали о реакции со стороны местных властей в отношении коммунальных проблем, запросы о которых представители ОГО помогают сформулировать гражданам. В некоторых случаях адвокатирование со стороны граждан при участии ОГО и местных активистов помогает решить какие-то проблемы на местах, отреагировать на какой-то локальный запрос со стороны общества. Однако даже такое более чем ограниченное и специфическое взаимодействие является скорее исключением, чем правилом. И в целом в интервью говорили о том, что сотрудничество между ОГО и местными органами власти практически сведено на нет.

*«Вот раньше мы как-то сотрудничали, например, с органами власти, не то, что сотрудничали, но хотя бы были какие-то контакты или мы могли их позвать на мероприятия какие-то. Или даже как-то они оказывали какую-то помощь, например, с юридической стороны. Какое-то было хотя бы взаимодействие... То сейчас, понятно, такого нет, и такое ощущение, что каждый сам за себя. То есть они за себя, мы сами себе».*

Региональные активисты, которым раньше удавалось хоть как-то взаимодействовать с властями после того, как их организации попали под ликвидацию, высказываются о чиновниках с некоторой личной обидой. Например, рассказывая, как представители местных райисполкомов на суде не только не поддержали, но и, по сути, дали негативные характеристики деятельности организаций.

*«... Когда мы находились в стадии ликвидации, был суд. Меня что немножко задело, так это то, что спрашивали у нашего райисполкома, как я понимаю, у идеологического отдела, нужна ли эта организация для города, а они сказали, что мы ничего не делали как организация... В общем получалось, что мы как организация нигде не участвовали, хотя мы говорили, что мы представители от организации, просто мы работали как волонтеры. Но они избрали такую позицию, им надо было дать такой ответ, что мы как будто ничего не делали. И за это тоже судья зацепилась, сказала: «Вот вы все равно ничего не делаете». Мы им объяснили, какие хорошие дела мы сделали, на что судья сказала: «Вы можете делать добрые дела и без организации, вам никто не запрещает».*

Интересно, что в нескольких случаях выехавшие из Беларуси представители организаций, работающих на местном уровне, говорили о том, что некоторые чиновники остались у них в статусе «друзей» в социальных сетях и время от времени позитивно реагируют на размещаемую там информацию.

### **Крайне ограниченное взаимодействие с бизнесом**

Взаимодействие местных ОГО с бизнесом имеет более чем ограниченный характер и связано скорее с личными отношениями между отдельными активистами и бизнесменами. В ситуации до 2020 года на местном уровне практиковалась помощь *in-kind*, когда представители какого-то бизнеса могли финансово поддержать какой-то проект, акцию, бесплатно или на выгодных условиях предоставить свои услуги или помещения и пр. После 2020 года даже такого взаимодействия стало меньше. Указывалось, что и сам малый бизнес находится в достаточно тяжелом положении. Интересно, что один из интервьюируемых рассказал о случае, когда мероприятие, которое раньше проводила его организация, теперь «по наследству» перешло коммерческой площадке, на которой оно проводилось.

### **Взаимодействие с государственными и независимыми медиа**

Взаимодействие между местными ОГО и государственными СМИ практически отсутствует, хотя раньше оно могло иметь место. Сейчас же многие подчеркивают, что не могут иметь ничего общего с госСМИ и по идейным соображениям. Кроме того, наши интервьюируемые рассказывали о случаях, когда государственные медиа и пропагандистские каналы вели против них пропагандистские атаки.

*«С государственными никак не взаимодействуем. Всякие «Желтые сливы»<sup>5</sup>, правда, нас читают и иногда что-то про нас пишут».*

В отношениях с независимыми медиа есть тенденция общения между активистами и журналистами на личном уровне, что представляется органичным особенно в случае активистов и журналистов из одного города. Интервьюируемые говорили, что до 2020 года у них было больше взаимодействия с местными независимыми изданиями, однако сейчас оно закономерно уменьшилось из-за репрессий и «экстремистских» статусов.

---

<sup>5</sup> Пропагандистский, провластный телеграм-канал в Беларуси.

*«За последний год нет. Еще 2 года назад были попытки. Ну такие какие-то небольшие действия мы совершали с местными медиа независимыми, ...но за последний год уже нет, тоже отменили мы эту деятельность».*

Поскольку все организации, с которыми мы говорили, ведут деятельность внутри Беларуси, они осторожно относятся к контактам с независимыми СМИ. При этом активисты могут выступать, давать интервью и комментарии медиа от своего имени.

*«Мы внутри Беларуси не даем никакие интервью и так далее. И нету смысла как-то в СМИ тоже нашу деятельность поднимать, потому что это небезопасно. Поэтому мы этого не делаем, даже если к нам приходят и просят. Но это небезопасно для тех, кто в Беларуси. Но сами как персоналии, как активисты, активистки в эмиграции. ...Я просто [говорю, что я] активистка белорусского [третьего] сектора, чтобы не было какого-то лишнего внимания к команде».*

В некоторых случаях релоцированные местные ОГО по сути сами начинают выполнять роль СМИ, развивая свои социальные сети и ставя своим приоритетом информирование населения о событиях, происходящих в их городе в Беларуси, а также в стране.

### **Взаимодействие с демократическими политическими акторами**

О взаимодействии с демократическими белорусскими политиками наши собеседники также говорили о нем скорее как о личных отношениях. В случаях, если активисты знакомы с людьми в демократических структурах, они могут общаться и обсуждать с ними какие-то проблемы. На уровне системного, институционального взаимодействия отмечалось, что некоторые из организаций и инициатив иногда участвуют в консультациях и встречах, организуемых демократическими силами. А также потенциально могут передавать им в повестку волнующие их темы и вопросы. Некоторые из интервьюируемых сами идентифицировали себя не только как гражданских активистов, но и как местных политиков, а также членов Координационного Совета (КС). В дополнение они указывали на известное обстоятельство, что в Беларуси местные активисты часто входили в оппозиционные политические партии.

Однако в целом вопрос о взаимодействии с демократическими политическими структурами не вызвал сильных реакций и развернутых ответов наших собеседников.

## Отношения с зарубежными донорскими структурами и удовлетворенность программами поддержки

Многие из организаций и инициатив, которые попали в нашу выборку, говорили о том, что у них нет непосредственного взаимодействия с донорскими организациями. Для региональных организаций, руководство которых находится внутри страны, это небезопасно. Также в ходе интервью некоторые представители организаций говорили о том, что просто не знают, к кому обращаться, и что у доноров нет форматов и способов общения с ними. Некоторые работающие на местном уровне организации, которые либо являются подразделениями больших организаций, либо входят в зонтичные структуры, указывали, что общением с донорами, как правило, занимаются руководители материнской организации или зонтичной структуры. Вместе с тем некоторые респонденты говорили, что их контакты с донорами уже устарели, а новых контактов они не наработали.

*«Некоторые связи есть... Старые какие-то были, вот мы куда-то обращались, когда раньше они работали с Беларусью. Сейчас они с Беларусью работают очень мало, и мы не попадаем в эту струю».*

Интересно, что в одном из интервью наш собеседник, который недавно выехал из Беларуси, говорил о том, что просто не знает, к кому обращаться за поддержкой своих идей и проектов. А также признавался, что не знает, как общаться с донорским сообществом.

*«Нужно искать дополнительную поддержку, и я не знаю, допустим, тех фондов, куда нужно обращаться. Я примерно представляю, у кого можно спросить, но я не уверена, скажут ли мне об этом... И я не знаю, как общаться с этими фондами, как им объяснить, что вот мы такие вот, нам надо, вот мы делаем, вот мне можно доверять, вот здесь у меня были такие-то проекты и тоже поддерживались другими людьми. Я просто не знаю, как выходить на международную помощь. У меня как у лидерки из Беларуси белорусской команды, у меня этого нет».*

Те региональные организации и активисты, у которых есть связи и отношения с донорами, отзывались о них скорее хорошо. Хотя и отмечали, что в случае получения отказов в поддержке своих проектов, они не всегда понимают логику и основания отказов и не получают достаточных объяснений по этому поводу.

В качестве позитивных практик назывались те, когда доноры регулярно общаются с грантополучателями и дают им обратную связь. Также приводился пример хорошей практики, когда один из фондов очень гибко подходит к менеджменту

проектов, ставит приоритетом вопросы безопасности людей в Беларуси, а не технического соблюдения отчетности.

*«Мы получили поддержку от [название фонда], и там столько принятия, столько понимания. То есть нам сразу как бы сказали: «Вы конечно крутые, но занижайте свои показатели, вы крутые, но делайте вот так-так-так». Мы говорим: «А можно мы вот супер нейтрально?» – «Делайте все, как вам будет безопасно».*

В нескольких других интервью также звучали положительные оценки того, что в последнее время некоторые доноры несколько смягчили требования по отчетности и стали более гибкими. Хотя вместе с тем по-прежнему указывалось на множество проблем в этом отношении.

Те, кто выказывал бóльшую осведомленность в вопросах донорской поддержки, говорил об относительной удовлетворенности существующими программами, о наличии достаточно широких и разнообразных возможностей подавать заявки. Хотя вместе с тем отмечался и рост конкуренции в сфере подачи заявок между самими белорусскими организациями.

*«Я бы сказал, что, наверное, они [программы донорской поддержки] адекватны, раз все мы еще до сих пор существуем, и помощь людям оказывается... В целом же, мне кажется, сейчас возможностей, в принципе, хватает, если, конечно, это не упускать».*

*«Мне падаецца, што ёсць якія-та пазітыўныя змены, каторыя звязаныя з патрабаваннем да нейкай справядчасці, калі анлайн, альбо з пераводам грошай, калі незарэгістраваныя. У гэтым плане, мне падаецца, што працаваць можна. У некаторых складана, у некаторых усё вельмі лёгка адбываецца і незабюракратызавана. Важна, што грошы ёсць, людзі працуюць».*

В качестве определенной сложности в реализации донорских программ поддержки Беларуси назывались ситуации, когда в донорских организациях меняются менеджеры и не сохраняется институциональная память о белорусских партнерах и практиках взаимодействия с ними. А также запаздывающие и долгие по времени ответы на запросы со стороны ОГО, на которые активисты ожидают быстрых реакций.

Вероятно, самой серьезной сложностью в плане не просто отношений с донорскими структурами, но и политики в отношении белорусского гражданского общества в целом называлось отсутствие у западных донорских организаций стратегии действий в отношении Беларуси (либо незнание о ней со стороны активистов). Из этого, по мнению интервьюируемых, вытекает проблема недостаточного представления о том,

что делать с организациями, инициативами, которые остаются внутри Беларуси, как поддерживать тех, кто работает на региональном уровне.

*«На нацыянальным узроўні і нават у асяродку донарскай супольнасці і гэтак далей няма абсалютна ніякай стратэгіі, якая датычыцца пытання: ну вось ёсць Беларусь – а што мы з ёй робім? Вось ёсць такія-та праблемы – якая ў нас дарожная мапа, якія стратэгічныя мэты мы ставім і як мы да іх ідзем? Калі ёсць гэтыя мэты, калі пад гэтыя мэты ёсць людзі, якія гатовы гэтым займацца, ёсць сродкі, якія дазваляюць рабіць не абы што, а нешта больш-менш адэкватнае і якаснае, то ў раённых цэнтрах вось так».*

### **Потребности организаций: необходимые поддержка и помощь**

В интервью наши собеседники из региональных организаций говорили о различного рода потребностях. Во многом эти потребности обусловлены тем, где находился интервьюируемый, а также тем, в каком положении находилась его организация. Условно запросы о поддержке можно поделить на следующие категории:

#### **1. Финансовая поддержка активностей внутри Беларуси.**

Активисты говорили о том, что им необходима любая, хотя бы минимальная поддержка на местах, чтобы продолжать оказывать услуги и проводить мероприятия. Сейчас такой поддержки, по их мнению, либо нет, либо она недостаточная. Важно, чтобы при выделении такой поддержки учитывались, прежде всего, запросы людей, которые работают внутри страны. Есть запрос на оказание материальной поддержки на аренду помещений в Беларуси для проведения мероприятий. Также отдельно звучал запрос на поддержку оказания юридических, психологических офлайн-услуг внутри страны. При этом интервьюируемые утверждали, что у них есть технические решения для передачи получаемых за рубежом средств в Беларусь.

#### **2. Юридическая поддержка деятельности организаций.**

Такая поддержка может включать консультации как внутри Беларуси, так и за рубежом по вопросам регистрации, функционирования как ОГО, так и коммерческих структур.

#### **3. Психологическая поддержка. Этот вид помощи нужен как командам организаций, так и их целевым группам, людям в Беларуси, с которыми они работают.**

3.1. Поддержка заявок и расходов на программы психологической поддержки со стороны доноров. В интервью неоднократно звучали истории про то, как запросы на психологическую поддержку не поддерживаются либо поддерживаются в недостаточном объеме или не в том виде, в каком это запрашивают сами организации.

4. Поддержка стратегического планирования, а также запросов на физические встречи команд организаций, сотрудники которых работают из разных стран. Помощь для участия в этих встречах тем, кто находится в Беларуси и может приехать.
5. Упрощение системы отчетности по проектам. Особенно в случаях, когда проекты реализовываются внутри Беларуси. Отдельно звучали просьбы не требовать физических подписей с расшифровками фамилий в случае, если расписки предоставляют люди, которые живут в Беларуси. Также говорилось о необходимости оценить соизмеримость требуемой отчетности и оказываемой поддержки, когда за небольшие суммы активистам приходится предоставлять сложную отчетность.
6. Возможности предоставления быстрой, экстренной поддержки в случае, когда у организации появляется какой-то срочный запрос. Например, связанный с эвакуацией из страны или срочным оказанием медицинской, психологической либо какой-то другой помощи сотруднику.
7. Стипендиальная программа или программа специальной поддержки для активистов, вынужденных экстренно выехать из Беларуси. Такой вид помощи оценивался как актуальный особенно для людей из белорусских регионов, которые часто не имеют никаких материальных «подушек безопасности».
8. Помощь в приобретении новой оргтехники и телефонов. Этот запрос актуален как для тех, кто по-прежнему находится в Беларуси, так и для выехавших активистов. Указывалось, что такие программы были в 2020 и 2021 годах, но они не закрыли существующие потребности. Например, некоторые активисты выезжали из Украины после начала войны, и для них проблема с техникой стала вновь актуальной.
9. Необходимость улучшать коммуникацию как внутри сектора, так и с донорским сообществом. Внутри гражданского общества существует проблема невысокой осведомленности организаций о деятельности друг друга. Также, по мнению интервьюируемых, необходимы дополнительные площадки для общения между ОГО и донорами, где бы происходил своего рода *reality check* с учетом мнений различных стейкхолдеров.
10. Поддержка нетворкинговых мероприятий для белорусских организаций как особенно полезных для организаций, действующих на местном уровне.
11. Проведение образовательных мероприятий для активистов из Беларуси с выездом в другие страны. Звучал запрос как на образовательные мероприятия широкого толка, например, изучение хороших практик функционирования каких-

то институтов, так и обучение и консультации по юридическим вопросам, темам безопасности и пр. Также на этих выездных мероприятиях предлагалось проводить ознакомление с существующими программами и возможностями донорской поддержки.

12. Поддержка медийных проектов ОГО, которые представлялись как важное направление деятельности, фокусирующееся непосредственно на аудиторию внутри Беларуси.
13. Помощь в поиске и привлечении в организацию новых людей. Этот запрос также имеет измерение безопасности, когда, с одной стороны, организациям могут быть нужны новые сотрудники. С другой стороны, в силу существующих рисков безопасности нового человека очень сложно проверить и убедиться, что его/ее можно принимать в команду.
14. Поддержка и проведение образовательных мероприятий для смешанных аудиторий: белорусов, которые живут в стране, и тех, кто выехал. Такие мероприятия видятся как способствующие общению и улучшению взаимопонимания. В качестве положительного примера таких мероприятий приводились курсы английского языка.

При этом в ряде случаев звучали эмоционально окрашенные, грустные утверждения о том, что совершенно неясно, чем и как можно помочь белорусским организациям и активистам, которые продолжают действовать внутри страны.

*«Если мы говорим про помощь, я не знаю, чем мне сейчас можно помочь или активистам, которые сейчас находятся в Беларуси, если каждая из них, ее в любой момент могут прийти и арестовать, и причем даже не за общественную деятельность, а просто за то, я не знаю за что...».*

*«Какая поддержка вам нужна? – Сложный вопрос. Вот хочется ответить – молиться. Знаете, чтобы все поменялось. Мне кажется, других механизмов [я] не знаю».*



## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этом исследовании на основании анализа интервью с представителями местных организаций Беларуси мы рассмотрели различные аспекты их деятельности, проанализировали существующее состояние, проблемы и запросы о возможной поддержке. В качестве основных выводов можно говорить о том, что:

1. В регионах Беларуси возможна и происходит различного рода общественная деятельность, однако она имеет преимущественно неполитический, нейтральный характер. Организации, которые большей частью лишились легального статуса, часто продолжают свою деятельность, но в ограниченном объеме.
2. Общественные организации местного уровня, которые действуют внутри Беларуси, сталкиваются примерно с одинаковыми проблемами. В ходе исследования мы не выявили серьезных локальных отличий, за исключением разного по интенсивности уровня репрессий в отношении организаций и активистов.
3. Репрессии государства в отношении гражданского общества привели к существенному изменению самой его структуры. В целом от репрессий потерпели все, хотя регионы и города с наиболее развитым гражданским обществом, более высоким уровнем протестной мобилизации в 2020 году, а также те, где чиновники на местах в силу собственной мотивации расположены к репрессивным действиям, пострадали больше всего. В результате произошедших изменений гражданского общества объем оказываемых ими услуг и проводимых мероприятий существенно сократился. Государство ни само, ни при помощи ГОНГО пока что не смогло предложить никаких реальных альтернатив, хотя в ряде случаев и пытается имитировать общественную деятельность.
4. В белорусских городах у людей по-прежнему сохраняется спрос на проекты, активности и услуги ОГО, а также в более широком смысле на низовой активизм, нетворкинг, развитие и укрепление горизонтальных связей.
5. В числе важных дилемм и проблем, с которыми сталкиваются белорусские местные (и не только) организации, особенно в случае, когда их основная активность сосредоточена внутри Беларуси, – это вынужденное действие с самой низкой степенью видимости (*visibility*). Эта «невидимость» приводит к созданию впечатления, что «все умерло» и «ничего не осталось». Однако ОГО не могут позволить себе большую видимость, за исключением тех, кто работает в формате (социальных) медиа из-за границы.
6. Существует запрос на поддержку организаций, инициатив и активностей внутри Беларуси, который, судя по итогам интервью, в настоящее время не удовлетворяется.